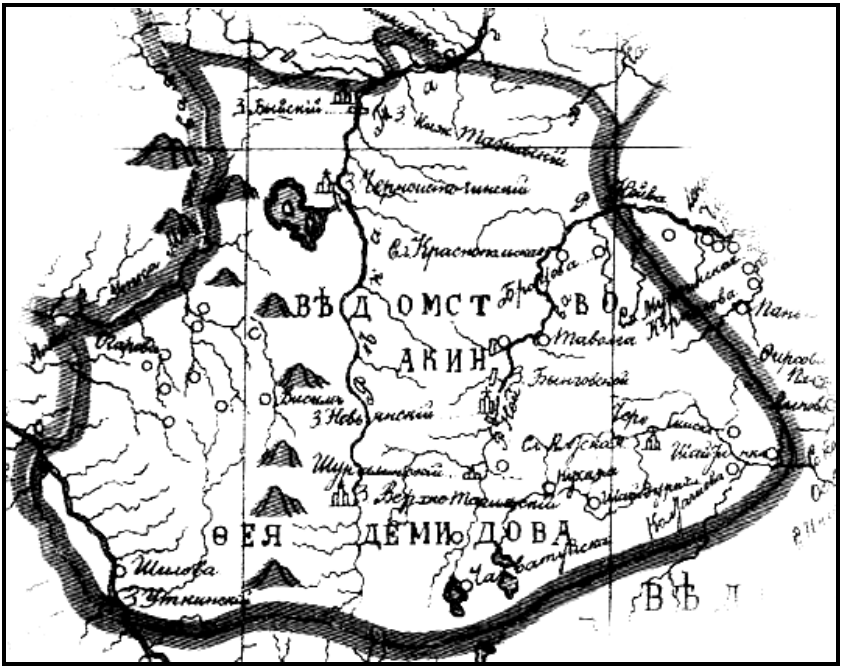
Хью ХАДСОН

ПЕРВЫЕ ДЕМИДОВЫ

Серия «Башкортостан в зарубежных исследованиях»

(издается с 2006 г. под общей редакцией
доктора исторических наук Д. М. Исхакова)



Любое воспроизведение данной книги разрешается только с согласия переводчика, обладающего исключительными правами на издание ее в России.

Russian Biography Series, No. 11

THE RISE OF THE DEMIDOV FAMILY AND THE RUSSIAN IRON INDUSTRY IN THE EIGHTEENTH CENTURY

Hugh D. Hudson, Jr. Georgia State University

(With an introductory essay by Dr. David Griffiths,
University of North Carolina)

Oriental Research Partners
Newtonville, Mass. 02160
1986

ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС ТАТАР
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
Центр этнологического мониторинга

Хью ХАДСОН

ПЕРВЫЕ ЕМИДОВЫ

и развитие черной металлургии России в XVIII веке

Авторизованный перевод с английского,
вступительная статья и примечания
кандидата исторических наук Игоря КУЧУМОВА

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Игорь ЮРКИН

Уфа – 2011

УДК 929.52
ББК 63.3(2)46
Х14

Ответственный редактор
д-р ист. наук *И. Н. Юркин*
(Институт истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова РАН)

Рецензенты
д-р ист. наук *И. В. Курукин* (РГГУ),
д-р ист. наук *Е. Г. Неклюдов* (Институт истории и археологии УрО РАН),
д-р ист. наук *А. С. Черкасова* (Демидовский институт)

Хадсон Х.
Х14 Первые Демидовы и развитие черной металлургии России в XVIII веке / Хью Хадсон; Центр этнологич. мониторинга Исполн. к-та Всемир. Конгр. татар; отв. ред. д-р ист. наук И. Н. Юркин; авторизованный пер. с англ., вступ. ст. и прим. канд. ист. наук И. В. Кучумова. Уфа: Издатель Кучумов И. В., 2011. 88 с. (Башкортостан в зарубежных исследованиях).

ISBN 978-5-9903025-1-8

Книга американского ученого посвящена истории династии русских заводовладельцев Демидовых. На примере изучения их предпринимательской деятельности автор делает попытку выявить особенности перехода России от традиционного к индустриальному обществу.

УДК 929.52
ББК 63.3(2)46

Научное издание

Хью Дорси ХАДСОН-мл.

Первые Демидовы и развитие черной металлургии России в XVIII веке

Редактор *З. А. Мамаева*
Компьютерная верстка и дизайн обложки *И. В. Кучумова*

Сдано в набор 24.06.2011. Подписано в печать 28.07.2011. Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Georgia». Печать ризографическая. Усл. печ. л. 5,1. Уч.-изд. л. 4,8. Тираж 150 экз. Заказ № 9. Цена договорная.

Издатель Кучумов И. В. ivku@yandex.ru. Отпечатано в типографии ИП Галиуллин Д.А. в полном соответствии с предоставленными оригинал-макетами.
450105, г. Уфа, ул. Королева, 10/3–75; 741387@mail.ru

ISBN 978-5-9903025-1-8

© 1986 by Hugh D. Hudson, Jr.
© Кучумов И. В., перевод на русский язык, вступительная статья, примечания, 2011

АМЕРИКАНСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДИНАСТИИ ДЕМИДОВЫХ

Настоящая книга является пока единственной на Западе монографией о династии русских промышленников Демидовых. Ее автор, декан исторического факультета государственного университета штата Джорджия профессор Хью Дорси Хадсон, известен своими работами о России XVIII–XX вв., причем широта его научных интересов простирается от истории феодального Урала[1] до проблем советской архитектуры и НЭПа[2].

Первые Демидовы – уникальное явление во всемирной истории, создатели очень эффективного с точки зрения производства и грандиозного по мировым масштабам горнозаводского промышленного комплекса, превосходившего по своей территории многие европейские государства[3]. В своем исследовании, являющемся переработанным вариантом его докторской диссертации «Хозяева Урала: династия предпринимателей Демидовых и возникновение черной металлургии в России XVIII в.» (1981), американский историк сконцентрировался на выяснении нравственных ценностей и менталитета уральских заводчиков, рассматриваемых на фоне цивилизационного развития России. Тем самым работа Х. Хадсона продолжает просопографическую традицию изучения Демидовых, восходящую к дореволюционным работам К. Д. Головщикова и В. В. Огаркова. Этот метод был недавно вновь использован И. Н. Юркиным, сосредоточившимся на вкладе представителей этой династии в культуру, науку и образование[4].

Созданные Х. Хадсоном колоритные, запоминающиеся портретные характеристики первых Демидовых показывают, как с тече-

---

[1] *Хадсон-мл. Х., Дехарт Б., Гриффитс Д.* Пролетарии по указу: история приписных крестьян в России (1630–1861 гг.) // Уральский исторический вестник. 2003. № 9 (пер. И. В. Кучумова).

[2] *Hudson H.* Blueprints and Blood: The Stalinization of Soviet Architecture, 1917–1937. Princeton: Princeton University Press, 1994; *Idem.* Peasants, Political Police, and the early Soviet State: Surveillance and Accommodation under the New Economic Policy. New York: Palgrave Macmillan, 2012.

[3] *Алексеев В. В., Гаврилов Д. В.* Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008. С. 305.

[4] *Юркин И. Н.* Демидовы – ученые, инженеры, организаторы науки и производства: опыт науковедческой просографии. М., 2001. Здесь можно найти библиографию основных работ по Демидовым, появившимся за последние десятилетия.

нием времени изменялись взгляды представителей этой династии на окружающий мир, на их место в нем и какова была роль государства и общества в этих процессах. Американский ученый снял с отдельных Демидовых вековые наслоения домыслов, сплетен и предвзятости. В первую очередь это касается Прокофия – в изображении Х. Хадсона это человек, не нашедший своего места в екатерининской России, фрондер и реформатор, чьи проекты опережали время, а потому вынудили его протестовать против окружающего мира весьма экстравагантными способами. Аналогичные объективные оценки получили признание в отечественной историографии только спустя несколько лет после выхода книги Х. Хадсона.

Американский автор использовал в своей книге обширный массив опубликованных материалов, и даже, что в то время для иностранцев было непросто, архивных источников. Он смог уточнить некоторые биографические данные и на основе тогда еще неопубликованного уникального комплекса документов – писем сыновей Г. А. Демидова из-за границы – предпринял попытку реконструкции мировоззрения представителей четвертого поколения династии. Сегодня эта переписка издана[5], но о вкладе Х. Хадсона в ее изучение российские историки, похоже, не знают (его монографии нет даже в крупнейших библиотеках страны).

Анализируя социально-экономическое положение России и ситуацию на Урале, Х. Хадсон пришел к выводу, что традиционное российское общество отторгало индустрию, поэтому заводчикам часто приходилось обращаться напрямую к монарху, хорошо ориентироваться в придворных интригах, давать взятки высокопоставленным чиновникам и искать высоких покровителей. Но в итоге, как показывает ученый, традиционное общество, каким тогда была Россия, все же одержало верх над Демидовыми, вынудив их уйти из промышленности. Однако они и после этого не утратили созидательного потенциала, направив свою энергию в сферу культуры.

Конечно, в работе Х. Хадсона имеется ряд фактологических неточностей. Во многом это объясняется тем, что автор предпринял очень широкий хронологический и тематический охват проблемы. Помарки в синтезирующих работах (вспомним сочинения А. Тойнби, Ф. Броделя и т. п.) неизбежны, но главным в них явля-

---

[5] Путешествие братьев Демидовых по Европе: письма и подневные Журналы: 1750–1761 гг. / рук. проекта и отв. ред. С. Н. Искюль. М.: Индрик, 2006. Одновременно часть этих документов была либо опубликована, либо процитирована А. С. Черкасовой, которой также были впервые введены в оборот дополнительные материалы об этом путешествии, извлеченные из отдела рукописей Библиотеки РАН и Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН: *Черкасова А. С.* «Ваш послушный сын...» // Демидовский временник: исторический альманах. Екатеринбург, 2008. Кн. II (2-е изд.; 1-е – 2006).

ется общая идея, а не отдельные погрешности. А с синтезом автор вполне справился, предложив интересную конструкцию судеб индустрии в традиционном обществе. Немало полезного могут принести сегодня для отечественной (и, в частности, уральской) историографии поставленные Х. Хадсоном проблемы ретрансляции культурной преемственности в межпоколенных взаимоотношениях, практика социальных связей в пределах одной семьи промышленников и т. д.

Поэтому подробное комментирование настоящей работы неизбежно привело бы к «размыванию» ее концепции и растворило бы схему Х. Хадсона в многочисленных мелких поправках. Для читателя-неспециалиста эта книга вполне самодостаточна, а знаток проблемы сам может определить ее конкретные изъяны, благо литература по теме сегодня чрезвычайно обширна[6].

Русский перевод книги о Демидовых выходит в серии «Башкортостан в зарубежных исследованиях»[7] и продолжает знакомство

---

[6] Историография Демидовых сейчас огромна. В последние годы много нового введено в научный оборот благодаря публикациям двух книг «Демидовского временника» (Екатеринбург, 1994–2008), четырех выпусков «Альманаха Международного Демидовского фонда» (М., 2003–2009), и ряда отдельных исследований, перечислить которые здесь нет возможности.

[7] Книги этой серии приходилось публиковать нелегально, их не принимали в фонды библиотек, а издателей в 2007–2009 гг. по всей стране разыскивала прокуратура. По словам д-ра социол. наук Р. Р. Галлямова, проведение объективного научного исследования иногда можно сравнить со «своеобразным проявлением настоящего гражданского мужества», ибо участвовать в научных дискуссиях за рамками официального дискурса сейчас «стало опасно» (*Галлямов Р. Р.* Политическая элита. Этничность. Гражданственность. Уфа, 2004. С. 126–127, 130. Монография была издана подпольно, затем запрещена, а ее автор уволен с должности зав. кафедрой).

При этом если запреты на издание академических работ обычно исходят от директоров НИИ (см.: *Исхаков Д. М.* «Битва историков» в Республике Татарстан в 1990-х годах и создание Института истории АН РТ // Этнологические исследования в Татарстане. Казань, 2010. Вып. IV. С. 288, 293–294, 296, 306), то в Башкирии – от власти, которая через подконтрольные ей сообщества ученых и цензуру длительное время определяла, что и как можно изучать (о современном состоянии исторической науки см.: *Роднов М. И.* Уроки Любавского // Научное, педагогическое и просветительское наследие М. К. Любавского и актуальные проблемы социально-экономической и политической истории России и ее регионов XVI–XX вв.: материалы Всероссийской научно-практической конференции 7 дек. 2010 года. Уфа, 2010. За публикацию этой статьи д-р ист. наук М. И. Роднов был уволен с должности зав. отделом академического НИИ).

За издание несанкционированных научных работ можно получить строгий выговор от своего директора (*Исхаков Д. М.* Указ. соч. С. 288), но в Башкирии дело доходило до уголовного преследования, изъятия при обы-

российского читателя с работами иностранных авторов по истории региона[8]. И хотя в этой книге ни Башкирия, ни башкиры практически не упоминаются, Демидовы имели прямое отношение не только к Среднему, но и к Южному Уралу[9].

Думается, что на фоне многочисленных работ о Демидовых не затеряется и эта небольшая книжечка. При подготовке ее перевода большую помощь своими консультациями оказали Демидовский институт (г. Екатеринбург), рецензенты и коллеги. С большой тщательностью рукопись прочитал ответственный редактор монографии. Его уточнения и поправки, разъяснения отдельных вопросов и желание повысить качество публикации очень помогли при работе над русским вариантом этой книги. Разумеется, особой признательности заслуживает сам профессор Х. Хадсон, одобривший текст перевода и давший согласие на публикацию его в России.

Игорь Кучумов.

сках личных архивов и заключения в тюрьму отдельных историков, несогласных с официальной трактовкой прошлого (см.: *Лесная Р.* Научная работа по-башкирски // Независимая газета. 2009. 20 авг.). Так, в процессе работы над переводом данной книги его рукопись вместе с другими необходимыми для этого материалами дважды (в мае 2008 г. и августе 2009 г.) изымалась у переводчика в ходе обысков для проверки содержания.

Отказываясь от дискуссий на страницах научных изданий, отдельные доктора и кандидаты наук снимали студентов с занятий и выводили их на шумные митинги, требуя расправы над своими критиками из академической среды. Именно такие массовые студенческие шабаши, организованные ректорами вузов и как стало позднее известно, оплаченные правительством, сотрясали Уфу на рубеже 2009–2010 гг., причем одним из объектов ожесточенной ругани на них являлся переводчик данной книги. Разумеется, студенты, державшие в руках транспаранты и кричавшие проклятия в его адрес по указаниям своих профессоров, не читали ни одной из его работ.

[8] См.: *Доннелли А. С.* Завоевание Башкирии Россией 1552–1740 гг. Уфа, 1995; *Порталь Р.* Урал в XVIII веке: очерки социально-экономической истории /пер. под. ред. И. В. Кучумова. Уфа, 2003; *Он же.* Исследования по истории, историографии и источниковедению регионов России /пер. под. ред. И. В. Кучумова. Уфа, 2005; *Паскаль П.* Пугачевский бунт /пер. под ред. И. В. Кучумова. Уфа, 2010; *Александер Дж. Т.* Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773–1775 гг. / пер. И. В. Кучумова. Уфа, 2011.

[9] См.: *Кулбахтин Н. М.* Горнозаводская промышленность в Башкортостане: XVIII век. Уфа, 2000. С. 149–151; Энциклопедия предпринимательства Башкортостана. Уфа, 2006. С. 11–44; и др.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Железо... Его громадные запасы покоились в недрах Сибири и Уральских гор. И хотя они разрабатывались местным населением с незапамятных времен, попытки начать промышленную эксплуатацию рудных богатств заканчивались до XVII в. неудачно. Стране приходилось покупать металл у Швеции, однако начавшаяся Северная война вынудила Россию наладить производство собственного железа для нужд армии, для чего требовались технические знания и навыки.

Первые два поколения Демидовых являлись выдающимися деятелями эпохи ранней индустриализации. В ходе петровских преобразований они превратились из простых кузнецов в богатейших хозяев Урала. Алчные и жестокие, Никита Демидович и его сын Акинфий Никитич создали гигантскую промышленную империю, которая к середине XVIII в. выплавляла свыше 40 % железа в стране. В основном благодаря им страна во второй половине XVIII в. стала лидером производства железа в Европе.

Изучение деятельности Демидовых позволяет пересмотреть некоторые традиционные представления о России. XVIII в. обычно считается временем постепенного перехода от аграрно-традиционалистского общества к индустриальному. Причем западные историки и дореволюционные русские исследователи распространяют эти процессы только на Западную Европу[1]. Выдающийся русский либеральный историк В.О. Ключевский полагал, что в России «промышленность после Петра не сделала заметных успехов» [36. Т. IV. С. 310]. Считалось, что русские лишены деловой хватки. Но как тогда объяснить триумф Демидовых?

Еще одной причиной отсталости страны считается доминирование государства в экономике [92; 93]. Все природные ресурсы принадлежали казне, которая и занималась их освоением. Неразвитость крупного частного предпринимательства в стране обычно объясняют деспотизмом и монополизмом власти, а также забитостью купцов и промышленников. Но пример Демидовых как раз показывает, что в черной металлургии государство поддерживало частную инициативу.

Нуждаются в пересмотре и оценки социально-экономического характера ранней индустрии России. В. О. Ключевский и П. Н. Милюков, считая петровские мануфактуры аномальным явлением на

[1] Подходы дореволюционных русских историков к этой проблеме см.: [36. Т. IV. С. 330–373; 44. Ч. I. С. 85–87, 233, 311]. Современная оценка: [57].

фоне аграрного общества, определяли экономический подъем страны при Петре как искусственный. Однако деятельность Демидовых свидетельствует, что русская железная промышленность в XVIII в. развивалась бурно, но специфично: основанная на внеэкономическом принуждении, она не привела Россию к капитализму, однако создала мощнейшую армию.

В то время сельское хозяйство и торговля постепенно уступали свое место промышленному капиталу, богатство стало символизировать престиж и власть, а общество приобрело некоторую социальную мобильность. Изучение Демидовых позволяет понять особенности развития экономики тогдашней России, условия существования русских предпринимателей, их связи с государством и особенности социальной динамики в традиционном обществе.

Поддержка Международного совета по исследованиям и обмену позволила мне поработать в фондах [1; 72]. Я хочу выразить особую признательность моему научному руководителю проф. Дэвиду Гриффитсу, написавшему введение к данной книге[2], профессорам Сэмюэлю Барону, Клиффорду Фоусту и Э. Уиллису Бруксу, сделавшим ценные замечания по улучшению рукописи, а также профессору Московского государственного университета Александру Орлову, благодаря которому мои архивные изыскания в Советском Союзе увенчались успехом. Д-р Филипп Клендиннинг тщательно отредактировал текст настоящей книги, Томас Джордан составил прекрасную карту[3], а Элизабет Адамс аккуратно перепечатала рукопись. Наконец, я хочу поблагодарить своих ассистентов – Стивена Шеннона, Марка Брауна, Дуга Эдуардза, Кристину и Деврона Аверреттов, а также Джерри Тротта. Но больше всего я благодарен и искренне признателен Кэти Мейз Хадсон – другу, коллеге и супруге, чьи советы и поддержка сделали возможным появление этой монографии.

Хью ХАДСОН, декабрь 1983 г.

---

[2] <В настоящем издании не приводится. В нем рассматривается проблема генезиса русского капитализма в советской историографии. См. также критику Х. Хадсоном книги А. С. Черкасовой «Мастеровые и работные люди Урала в XVIII в.» (М., 1985) в «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas» (1986. Bd. 34, H. 3. S. 439–440).> (здесь и далее текст, заключенный в угловые скобки, принадлежит переводчику).

[3] <В русском издании не воспроизводится, поскольку карты уральских заводов имеются во многих отечественных изданиях>.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РОЖДЕНИЕ ИМПЕРИИ

ГЛАВА I

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЧАСТНОЙ РУССКОЙ ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ

В Московии не было условий для развития крупного предпринимательства[13]: сначала монгольское иго уничтожило славное купечество Киевской Руси, подорвав экономику страны, а затем централизованное Московское государство лишило русских купцов самостоятельности. Поэтому в XVI–XVII вв. они уступили внешний рынок сначала англичанам, а затем голландцам. Тем не менее, нельзя недооценивать деятельность московского купечества, особенно его верхушки, насчитывавшей 300–600 человек [92. P. 21][14] и состоявшей из богатых горожан, посадских людей и крестьян, занимавшихся торговлей, солеварением и заготовкой пушнины.

В 1553 г. англичане высадились в устье Северной Двины, открыв для России новый путь в Европу. До этого русские торговали в основном через Ливонию и Речь Посполитую, меняя меха, воск, другие дары леса, пеньку, кожи и масло на фламандские, английские, силезские, моравские и саксонские ткани и польские изделия из металла, бумагу и иголки. Новая торговая артерия не столько изменила ассортимент товаров, сколько устранила посредников [101. P.43–44]. В 1590–1650 гг. русские купцы выгодно торговали в Архангельске с иностранцами[15]. Снабжая провиантом недавно

---

[13] В настоящей книге под предпринимательством понимаются экономические риски, особенно риск капитала (наряду с технологическим и организационным прогрессом в экономике) и чисто управленческие действия. Следовательно, предприниматель – это тот, кто получает прибыль за счет рискованных экономических решений и подвергает опасности себя или свой капитал и/или изменяет привычную коммерческую или промышленную практику.

[14] Привилегированное московское купечество делилось на три категории: гостей, гостиную сотню и суконную сотню [93; 95].

[15] Крупнейшими купцами были «гость» Василий Шорин, московский «гость» Григорий Никитников и «кадашевец» (суконщик и привилегиро-

присоединенные земли Крайнего Севера, Среднего и Нижнего Поволжья и Сибири, и занимаясь извозом, москвичи богатели все больше и больше[16].

Деятельность созданных «гостями» Василием Шориным и Григорием Никитниковым, кадашевцем Алексеем Золотовым, купцами Климом, Федором и Никитой Калмыковыми, Аникой Строгановым и его наследниками солеварных предприятий, составлявших основу тогдашней русской промышленности, была сопряжена со значительным риском и требовала немалых усилий[17]. Несмотря на это, в XVII в. насчитывалось уже 3000 человек, получавших прибыль от торговли и смежных видов деятельности [92. P. 21], однако это мало влияло на общественное и техническое развитие. Кроме того, все солеварные предприятия были кустарными [28. С. 197–198; 14. С. 214, 299][18]. А что же железоделательная отрасль?

В Московии XVI в. она все еще была кустарной: крестьяне добывали руду на болотах, топях, лугах и озерах, затем засыпали ее древесным углем, раскаляли при помощи ручных мехов и полученную таким образом крицу перековывали в бруски или полоски, из которых затем изготавливали предметы обихода и оружие (в том числе огнестрельное) [28. С. 204–211, 217–218; 60. С. 36–37; 79. С. 14]. Поскольку медь и олово приходилось дорого закупать за границей, то русские пушки в середине XV–XVI вв. делались из мягкого отечественного железа [108. P. 187–191, 197].

К концу XVI столетия на первом месте среди оружейных производств страны был московский «Пушечный двор», основанный на исходе XV в. иноземцами [28. С. 237–243]. Другими промышленными очагами были Новгородчина, Олонец, Ярославль, Тверь, Вологда и колыбель русского стрелкового оружия Тула [80. С. 16–31; 28. С. 199–236, 254–333]. В XVII в. у многих кузнецов уже было больше одной кузницы и использовался наемный труд [28. С. 314–326]. Они скупали продукцию других оружейников и продавали ее на рынке.

ванный торговец) Алексей Золотов, чьи доходы от торговли составляли десятки тысяч рублей. См. [94; 101. P.43–69].

[16] Здесь особое место занимали братья Калмыковы [4].

[17] В конце XVII в. династия Строгановых фактически обладала монополией в уральской солеваренной промышленности и в торговле сибирской пушниной и хлебом [14; 83. С. 34–65, 123–138; 28. С. 125, 132–133, 160–162].

[18] Мануфактура в основном производила предметы потребления и использовала энергию воды, приводившей в действие механизмы, которые позволяли выпускать больше высококачественного металла и приводили к концентрации капитала и рабочих, необходимых для их установки и обслуживания. Такого рода мануфактуры часто называют «заводами», но использование этого термина в данной книге вовсе не означает, что это были предприятия современного типа.

В 1595 г. царь Федор Иоаннович приказал переселить тульских оружейников в особую слободу и освободил их от тягла, чтобы они могли полностью посвятить себя производству оружия для казны. Позднее их передали Стрелецкому приказу [16. С.27–30].

Однако в то время железоплавильные печи выдавали в лучшем случае пять коротких тонн[19] в год [42. С. 12–13][20], а ручные молоты позволяли выпускать только низкокачественное железо в виде маленьких полос. Предприятия, применявшие водяное колесо, в XV–XVI вв. в стране отсутствовали [28. С. 237–253].

Металл приходилось импортировать из Швеции[21], пушки, аркебузы, пистолеты, мушкеты, мечи и алебарды – из Нидерландов, Англии и Германии.

Для производства отечественного железа Иван III (1462–1505) попросил венгерского короля Матьяша Хуньяди дать ему рудознатцев, но получив отказ, обратился к императору Священной Римской империи Фридриху III, который прислал немцев Иоганна и Виктора, вместе с русскими открывших серебряные и медные рудники в бассейне Печоры [75. С. 11; 113. Р. 48–49]. В 1557 г. английская Московская компания планировала построить под Архангельском железоделательную мануфактуру. Через двенадцать лет англичанин Антони Дженкинсон получил грамоту царя на проведение изысканий и строительство заводов на реке Вычегде с обязательным обучением русских людей выплавке железа. Но этим планам не суждено было осуществиться [76; 113. Р. 48–49].

Между тем Иван IV поручил Анике Строганову наблюдать, чтобы англичане не нарушали данной им привилегии [14. С. 24–28] – значит, о найденной ими руде стало известно, и когда строительство Московской компанией завода сорвалось, Строгановы с разрешения царя построили под Сольвычегодском на р. Лахоме железоделательное производство, просуществовавшее примерно 20 лет [14. С. 177–179; 113. Р. 49–50][22]. В первой четверти XVII в. Строгановы наладили на Урале кустарное производство железных и медных орудий для соледобычи. В конце XVI в. государство все еще надеялось выпускать железо, для чего в 1571 г. разрешило Швеции добывать

---

[19] <Короткая (малая) тонна = 907,2 кг>.

[20] Вес в данной книге, как правило, приводится в пудах. Один пуд примерно равен 36 фунтам.

[21] Шведское пушечное железо стоило 1,5 руб. и больше за пуд, а листовая сталь («железо») – до 70 коп. за пуд [16. С. 6–7].

[22] Чисто гипотетически, оно могло быть мануфактурой английского типа. Но ни один завод Строгановых тогда не был таковой. Вероятно, они лишь напоминали мануфактуру и, по Е. И. Заозерской, использовали энергию мельничного водяного колеса для приведения в движение молота, с помощью которого получали кричное железо [28. С. 251–253], но они не имели доменных печей.

руду вдоль русско-финской границы и пригласило шведов искать качественное сырье [47. С. 9; 113. Р. 45][23].

В годы «Смутного времени» мастеровые, работавшие на Пушечном Дворе, Оружейной Палате и в других местах, разбежались по деревням[24]. Только к 1630-м гг. производство удалось восстановить [80. С. 31][25], а государство занялось разработкой рудных месторождений Зауралья и Сибири. К 1631 г. был построен кустарный Ницынский заводик, ежегодно производивший свыше 7 т железа [28. С. 341–344; 130. Р. 16–17; 80. С. 57–58]. После открытия около 1631 г. в Прикамье Кужгортского, а в 1633 г. Григоровского медных рудников саксонский горный мастер Арист Петцольт возвел Пыскорский медеплавильный завод, проработавший до 1656 г. [34. С. 24, 50; 39. С. 517].

Однако в XVI в. и большей части XVII столетия «индустрия» оставалась в основном кустарной [42. С. 12; 123. Р. 395; 28. С. 378; 6. С. 56–67]. Если в Западной Европе мануфактуры возникали естественным путем, то в России – создавались иностранцами, а не по причине вызревания капиталистических отношений, как считают советские историки [28. С. 352].

Движимый жаждой наживы, известный голландский торговец железом Андриес Дионисиус Виниус построил в 1632 г. на реке Тулица, в 15 км от Тулы, железоделательный завод с плотиной [16. С. 6–7]. 29 февраля того же года ему разрешили самостоятельно распоряжаться продукцией, выпущенной сверх госзаказа, стали ежегодно предоставлять кредит в 3000 руб., и кроме того, на 10 лет освободили от уплаты налогов; царь запретил всем до истечения этого срока строить аналогичные предприятия, отдал ему богатые рудные месторождения вблизи Дедилова [3. С. 13], а в 1639 г. приписал к заводу казенную Соломенскую волость с 347 душ мужского пола. Взамен этого Виниус должен был делиться секретами мастерства с русскими работниками [16. С. 7–8, Прибавление. С. 1–3][26].

В том же году к нему присоединились комиссар датского короля Петр Марселис и голландский купец Тилеман Лус Акема. По

---

[23] <В данной главе имеется ряд фактологических неточностей. Новый анализ изложенных далее фактов см.: *Курлаев Е. А., Манькова И. Л.* Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке: у истоков российской промышленной политики. М., 2005>.

[24] Особенно пострадали Устюжна Железопольская, Великий Устюг, Вологда, Новгород и Псков [113. Р. 52].

[25] В 1630-е гг. в десяти промышленных центрах вне Москвы насчитывалось примерно 350 мастеров по железу.

[26] <При описании деятельности А. Виниуса и его иностранных компаньонов в Московии у Х. Хадсона имеется ряд фактологических неточностей. Выверенные сведения см.: *Юркин И. Н.* Андрей Андреевич Виниус, 1641–1716. М., 2007>.

истечении монополии Виниуса они решили возвести собственные железоделательные заводы на реках Ваге, Костроме и Шексне. 5 апреля 1644 г. царь Михаил Федорович предоставил Марселису и Акеме 20-летнее право безвозмездно эксплуатировать построенные ими предприятия и экспортировать изделия, произведенные сверх госзаказа при условии, что они будут производить не только вооружение, но и полуфабрикат, и учить русских производству [16. С. 12–14; 37].

Однако Виниус поссорился со своими компаньонами[27], которые, как выяснилось, оружие почти не изготовляли, проволоки и жести вообще не производили, а «русских людей немецкие люди ремеслу никакому не учили, а которые русские люди у них, иноземцев, видя какое ремесло и станут учиться, и немецкие мастеровые люди за то бивали и от тех дел от себя прочь отбивали» [16. С. 14].

Царь Алексей Михайлович передал эти заводы боярину Г. Г. Пушкину[28]. Но в итоге государство вернуло их Акеме и Марселису, разрешило им построить новый чугунолитейный завод на реке Вага (как ни странно, вместе с Виниусом!), предоставило двух угольных дел мастеров и 1 сентября 1648 г. освободило их на 20 лет от налогов, если они будут обучать русских людей[29].

В 1653 г. Акема и Марселис построили Каширские заводы в Тульском уезде, производившие оружие и предметы массового спроса. Через три года они приобрели у казны завод на р. Протве, севернее Тулы, а в 1659 г. построили еще один недалеко от р. Угодка. Казна опять приписала к ним государственных крестьян [16. С. 22].

Но в 1662 г. Марселиса обвинили в фальшивомонетничестве и конфисковали половину его заводов [89. P. 125], вернув их лишь через 5 лет и передав Посольскому приказу, чтобы оградить от произвола местных властей [3. С. 122–123]. В 1668 г. Марселис начал лить пушки в Алексине, в 40 км севернее Тулы. Он умер через пять лет, завещав имущество своему сыну Петру, который скончался в 1675 г.,

---

[27] Он обвинил их в разнообразных злоупотреблениях и русский посол в Нидерландах поставил перед голландскими Генеральными штатами вопрос о «многих неправдах» Марселиса и Акемы. Генеральные штаты трижды (15 июля 1647 г., 3 января и 29 апреля 1648 г.) отвечали царю и направили в Москву своего посла Альберта Бурга для защиты Марселиса и Акемы [16. С. 13–14].

[28] После вмешательства Генеральных штатов и датского короля, а также вследствие нужды Русского государства в иноземных мастерах Акема и Марселис были оправданы и 1 сентября 1648 г. обратно получили свои заводы, а Виниус, кажется, утратил доверие царя [16. С. 16].

[29] Несмотря на закупочную цену 1 пуда пушки в 1 гривну, а 1 пуда железа – в 10 алтын, они вновь обратились к Генеральным штатам и в 1651 г. посол Гольст убедил царя Алексея Михайловича повысить закупочные цены на продукцию Акемы [16. С. 19].

оставив предприятия малолетнему наследнику Кристиану. После смерти Кристиана в 1690 г. предприятия отошли к Пушкарскому приказу[30].

Виниус, Акема и Марселис заложили основы русской черной металлургии. В 1630–1674 гг. в России возникло 16 железоделательных мануфактур, 11 из них построили упомянутые иноземцы, государство – 3, бояре И. Д. Милославский и В. И. Морозов вместе с иностранцами – по одному [39]. Иноземцы привезли с собой европейских мастеров и обучали русских секретам производства, в частности, на Ченцовском оружейном заводе. Считается, что там прошел практику Никита Демидович Антуфьев[31] (Демидов) [16. С. V–VI, 1, 27; 9. С. 252]. Таким образом, иностранцы способствовали появлению в России мануфактур, что, вероятно, облегчалось наличием талантливых русских кустарей[32].

Первые мануфактуры работали на государство, используя в основном труд приписных крестьян [28. С. 378–379] – это были явно не капиталистические предприятия.

ГЛАВА II

СОЮЗ НИКИТЫ И ПЕТРА

Об отце Никиты Демидовича, Демиде Антуфьеве (1624–1664), известно лишь то, что он происходил из государственных крестьян села Павшино под Тулой и позднее переселился в нее, чтобы торговать железными изделиями[33]. Согласно преданию, Демид приобрел

---

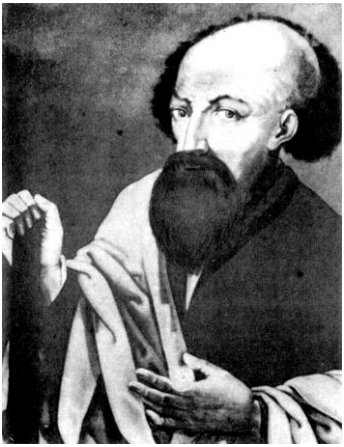
[30] Вскоре Петр передал их своему дяде Л. К. Нарышкину. Так Нарышкины одним росчерком пера стали крупными заводчиками. Партнеры Акемы перед смертью передали ему свою долю, а сам он умер в 1676 г., оставив все своему внучатому племяннику Ивану Филимоновичу Акеме. Иван умер бездетным в 1693 г., и заводы отошли к его матери, Анне, скончавшейся в 1712 г., после чего они вернулись к ее детям, братьям Ивана Вахрамею и Петру Вахрамееву Меллеру (Мюллеру). Следовательно, крупнейшими заводами в начале XVIII в. были предприятия Нарышкиных и Меллеров [16. С. 22–26; 3. С. 17–18; 113. Р. 127]

[31] <Недавно И. Н. Юркиным установлено, что его фамилия была Антюфеев>.

[32] Известными русскими железопроизводителями были туляки Баташевы, Мосоловы и Красильниковы [53. С. 170].

[33] Его имя точно неизвестно. Гамель называет его Демидом Клементьевым, а Рябов – Демидом Семеновичем. Г. И. Спасский именует его Демидом

в городе землю и дом, что свидетельствовало о его успешной адаптации к новой жизни [5. Т. II. С. 196]. 26 марта 1656 г. у него родился сын Никита, а через восемь лет Демид умер.



Никита Демидович Антуфьев (1656–1725)

Считается, что Никита Демидович был простым крестьянином, сбежавшим в тульскую оружейную слободу от рекрутского набора, где устроился лавочником и зарабатывал 3 коп. в неделю, т. е. меньше, чем оружейники [26. С. 3]. Другие полагали, что Никита сбежал в Тулу из Москвы, где служил в Пушечном дворе оружейником [41. С. 123]. Он вроде бы ушел к калмыкам и добывал у них медь и железо, в обмен снабжая их оружием. Хотя это считалось изменой, царь, восхищенный талантом оружейника, простил его.

Но на самом деле отец Никиты переселился в Тулу из села Павшино и стал кузнецом. Никита либо родился в Туле, либо попал в нее еще ребенком. Можно допустить, что к ремеслу его приучил отец. По мнению И. Ф. Гамеля, Никита обучался также на Ченцовском заводе Акемы и Марселиса. Поскольку отец Никиты был одним из лучших тульских оружейников, владел землей и усадьбой, то, вероятно, его семья была вполне зажиточной[34].

В 1691 г., отстаивая свои права, ремесленники послали делегацию в Москву; в ее составе был и Никита Демидович, очевидно, входивший в городскую верхушку [34. С. 84]. В начале Северной войны правительство обязало тульских кузнецов поставлять ежегодно не 2000 ружей, как было установлено в 1685 г., а в четыре раза больше, для чего набрать людей и обучить их ремеслу. Кузнецы должны бы-

---

Григорьевичем [78], исходя из [26]. Б. Б. Кафенгауз считал «Демидку Клементьева» туляком, ссылаясь на [82. С. 114], и мастером по изготовлению ружейных стволов. Нами было обнаружено составленное по-французски недатированное рукописное родовое древо, в котором отец Никиты именуется Демидом Григорьевичем [1. Ф. 49. Ед. хр. 1. Л. 8], поэтому мы считаем недостоверными утверждения о Демиде [32. С. 193; 26. С. 3; 47. С. 13] как талантливом металлурге.

[34] Ремесленные цеха XVII–XVIII вв. развивались собственными, насчитывавшим не одну сотню лет путями, и были узаконены в «Жалованной грамоте городам» Екатерины Великой (64. Т. XXIII. № 16188).

ли выбрать себе руководителя [16. С. 32][35] и их выбор пал на Никиту, что свидетельствовало о его авторитете среди оружейников.

В 1696 г. он построил на р. Тулица чугунолитейный и передельный завод с плотиной [71. С. 343]. В XVII в. в России было 22 железоделательных завода, но только 5 из них основали русские [123. P. 403, n. 26], причем три из них построили бояре И. Д. Милославский и Б. И. Морозов. По данным А. Кахана, Акема помогал Милославскому возводить заводы в Малоярославецком уезде. Дьяк К. Борин и купец гостиной сотни Н. Аристов в 1694–1695 гг. построили заводы в Романове. А. Кахан полагает, что это было сделано по приказу царя, чтобы иметь железоделательные заводы поближе к Азову, на который тогда претендовала Россия. Единственным частным заводчиком в стране тогда был Никита Демидович.

По данным Н. И. Павленко, из 15 железоделательных заводов, построенных в 1701–1707 гг., лишь два основали частные лица [55. С. 192]. Таким образом, на рубеже веков Никита Демидович стал лидером партикулярной металлургии.

В XVII в. армии требовалось больше ружей, а не пушек, поскольку основу ее составляла пехота [108. P. 203–204]. Никита поставлял государству качественные тульские фузеи по 1 руб. 80 коп. за штуку, что было намного дешевле импортных [32. С. 195][36].

В начале XVIII столетия русский человек, желавший заняться выпуском железа, должен был накопить средства, выбрать месторасположение завода вблизи запасов сырья и топлива, найти рабочую силу, и, наконец, наладить отношения с властями [123. P. 402–403]. Чтобы построить мануфактуру, мелкому оружейнику Демидову пришлось заняться перепродажей продукции коллег [2. С. 54–59] и стать одним из ведущих поставщиков тульского оружия в Москву [130. P. 55; 52. С. 71; 16. С. 29].

Головокружительная карьера Никиты во многом объясняется его дружбой с Петром Великим[37]. Легенда гласит, что сподвижник царя Петр Шафиров, проезжая через Тулу, обнаружил, что его пистолет работы знаменитого немецкого оружейника Кученрейтера сломался. Вызвавшийся помочь ему Никита не только починил оружие, но и сделал точно такое же [78. С. 3–4; 47. С. 14–15; 32. С. 194][38]. Пораженный его талантом, Шафиров рассказал о нем царю.

---

[35] Это было сделано впервые [77. С. 38].

[36] За одно импортное ружье казна платила до 12 руб.

[37] Демидовы не имели поддержки со стороны местных властей, что противоречит теории А. Кахана.

[38] К. Д. Головщиков [20. С. 3–5] полагает, что это был не Петр Шафиров, а сам царь.

Согласно другой легенде, когда царь останавливался в Туле по пути в Воронеж в 1696 г., он решил заказать себе несколько алебард иноземного типа и приказал привести к нему казенных оружейников. Однако явился только один Никита. Пораженный его большим ростом и необыкновенной силой, царь воскликнул: «Вот молодец годится и в Преображенский полк в гренадеры». Услышав эти слова, Никита упал ему в ноги и в слезах стал умолять не делать этого. Тогда Петр приказал Никите изготовить 300 иноземных алебард. Кузнец сдержал свое слово, и царь заплатил ему троекратную цену и одарил подарками. На обратном пути Петр побывал у Никиты дома, крепко выпил и по обычаю расцеловал жену хозяина, Евдокию Федотовну, а Никита пообещал увеличить выпуск ружей [16. С. 30–31; 78. С. 4–5; 32. С. 194; 47. С. 15; 75. С. 14–15][39].

Вскоре Никита прибыл в Москву и вручил царю шесть ружей собственного изготовления. Петр одарил его 100 рублями и сказал: «Постарайся, Демидыч, распространить фабрику свою, а я тебя не оставлю» [78. С. 6; 32. С. 195; 16. С. 31]. Он распорядился отдать Никите несколько десятин[40] земли под Тулой для копания железной руды и жжения угля.

Тем временем, исполняя повеление Петра, верхотурский воевода Дмитрий Протасьев начал поиски железной руды для производства оружия [84. С. 487]. В январе 1697 г. он отправил в Москву образцы, найденные на Тагиле и Нейве. Образцы тагильской руды, посланные в Голландию бургомистру Амстердама Николасу Витсену и рижскому оружейнику Иогану Миллеру, были признаны хорошими [84. С. 489]. Относительно невьянской руды главный кремлевский оружейник Тимошка и Никита решили, что по качеству она превосходит тульскую и шведскую [84. С. 489]. Итак, сырье для заводов было найдено.

15 июня 1697 г. Петр поручил Протасьеву подыскать такое место для будущего завода с плотиной, чтобы рядом были река и источники сырья, лес и искусные мастеровые и работные люди, продовольствие и дороги [84. С. 490–491].

Сибирский приказ стал уговаривал Никиту переехать на Урал и возглавить производство [34. С. 86], обещая ему ссуду в 1000 руб., выгодный заказ на выпуск пищалей, 50–100 сибиряков для обучения железному мастерству и создание кузнецкой слободы, однако через десять лет он должен был вернуть завод казне. Несогласный с этим, Никита решил остаться дома: мол «у него в Туле дом, и деревни, и железных и мелнишных заводов и снастей железных и ору-

---

[39] Петр мог встретиться в Туле с Никитой дважды: в ноябре 1695 г., возвращаясь с первой Азовской войны, и в сентябре 1696 г., после взятия Азова [34. С. 84].

[40] 1 дес. = 2,7 акра.

жейный заведено не малое число, и многие заводы не довершены» [34. С. 86]. Позже власти запросили у Никиты сведения об издержках производства в Сибири [34. С. 87] – очевидно, он тогда уже был знатоком этого вопроса.

2 января 1701 г. Никите позволили расширить свой Тульский завод, построить новую дамбу на реке Тулице и забрать бывшие стрелецкие земли взамен затопленных запрудой. Петр также отдал ему 25 кв. км. лесных массивов, рудник в Малиновской засеке и разрешил строить заводы как там, так и в Щегловской засеке [13. С. 355–357]. Но главное было в том, что простолюдин Никита получил право покупать землю и крепостных «для того железного дела, чтоб всегда множилось, и когда из ыных государств не привезут, чтоб скудости на *воинские припасы* и недостатку не было» [34. С. 89] (курсив мой. – *Х. Х.*).

Тем временем верхотурский воевода продолжал подыскивать места для будущих уральских заводов. Местное сырье было доступным и дешевым, но здесь не хватало рабочих рук. Роже Порталь считает, что это, а также невозможность привлечь к работе туземное население (оно с нее бежало) не позволили создать здесь в XVII в. черную металлургию [130. P. 20–23, 43]. По мнению же А. Кахана, на Урале наемный труд был более доступен вследствие присутствия здесь беглых [123. P. 410]. Наверное, обе эти точки зрения справедливы.

Для обеспечения войны Петра с Карлом XII большое значение имело наличие промышленной базы, расположенной в глубоком тылу и связанной с Европейской Россией [84. С. 490]. Без уральских заводов Россия не смогла бы вооружить армию.

Протасьев не справился с поручением царя [42. С. 14] и тогда завод построили на Нейве [75. С. 17]. 15 декабря 1701 г. он, поглотивший к тому времени почти 12000 руб., выдал первый чугун, а через месяц – первое железо. Испытать его захотели многие кузнецы, в том числе и представитель Никиты Демидовича [16. С. 34]. Осознав то, что ему досталось, Никита решил не упускать своего счастья. Однако конфликты, сопровождавшие строительство, вскоре привели к остановке завода, да и расходы на его содержание были велики [78. С. 10–11][41].

У самого Никиты в Туле тоже было не все гладко. 21 июня 1701 г. ему запретили рубить в Щегловской засеке деревья, понадобившиеся флоту [78. С. 6–7]. Производство и прибыль упали, и Никита всерьез задумался о переезде на Урал.

---

[41] Подробнее о технических, сырьевых и трудовых проблемах, которые мешали государству в XVII в., см [87. С. 552–555].

Таблица 1. **Выплавка железа в России** *(в тыс. пудов)*

Год	Демидовы				Казна				Другие частники				Итого чугуна	Итого железа
	Чугун	%	Железо	%	Чугун	%	Железо	%	Чугун	%	Железо	%		
1700									150	1,00	50	1,00	150	50
1710	89	0,28	42	0,27	119	0,38	64	0,41	108	0,34	50	0,32	316	156
1718	239	0,42	114	0,40	222	0,39	110	0,39	105	0,19	60	0,21	566	284
1719	237	0,42	107	0,40	221	0,40	109	0,41	100	0,18	52	0,19	558	268
1720	362	0,59	135	0,45	155	0,25	98	0,33	93	0,15	67	0,22	610	300
1721	370	0,59	178	0,56	168	0,27	94	0,30	85	0,14	46	0,14	623	318
1722	493	0,62	234	0,62	191	0,24	98	0,26	107	0,14	45	0,12	791	377
1723	400	0,62	198	0,63	136	0,21	57	0,18	108	0,17	58	0,19	644	313
1724	399	0,51	185	0,60	306	0,39	79	0,26	71	0,09	42	0,14	776	306
1725	422	0,52	226	0,60	288	0,35	104	0,28	105	0,13	46	0,12	815	376
1726	416	0,56	238	0,54	219	0,29	159	0,36	111	0,15	41	0,09	746	438
1727	352	0,51	208	0,46	212	0,31	202	0,44	131	0,19	46	0,10	695	456
1728	445	0,51	271	0,53	307	0,35	189	0,37	128	0,15	49	0,10	880	509
1729	405	0,45	239	0,45	378	0,42	225	0,43	113	0,13	62	0,12	896	526
1730	483	0,50	277	0,50	324	0,34	211	0,38	150	0,16	65	0,12	957	553
1731	610	0,52	396	0,55	386	0,33	236	0,33	186	0,16	88	0,12	1182	720
1732	512	0,49	330	0,52	390	0,37	206	0,32	146	0,14	103	0,16	1048	639

Таблица 1 (продолжение)

1733	476	0,45	313	0,52	364	0,34	183	0,30	225	0,21	107	0,18	1065	603
1734	602	0,49	379	0,54	391	0,32	224	0,32	225	0,18	103	0,15	1218	706
1735	697	0,50	462	0,55	440	0,31	224	0,27	265	0,19	157	0,19	1402	843
1736	783	0,53	496	0,56	419	0,28	235	0,27	285	0,19	152	0,17	1487	883
1737	754	0,55	478	0,54	346	0,25	237	0,27	259	0,19	169	0,19	1359	884
1738	735	0,53	487	0,60	380	0,27	211	0,26	283	0,20	120	0,15	1398	818
1739	702	0,51	465	0,52	375	0,27	232	0,26	304	0,22	201	0,22	1381	898
1740	707	0,46	469	0,46	463	0,30	301	0,30	360	0,24	250	0,25	1530	1020
1741	734	0,47	482	0,47	380	0,24	281	0,27	460	0,29	273	0,26	1574	1036
1742	720	0,52	471	0,52	407	0,29	276	0,30	254	0,18	164	0,18	1381	911
1743	857	0,57	562	0,59	339	0,23	212	0,22	298	0,20	185	0,19	1494	959
1744	780	0,50	529	0,53	363	0,23	263	0,26	415	0,27	204	0,20	1558	996
1745	791	0,47	527	0,49	495	0,29	331	0,31	412	0,24	212	0,20	1698	1070
1746	819	0,46	546	0,51	585	0,33	329	0,30	385	0,22	205	0,19	1789	1080
1747	766	0,43	510	0,46	521	0,29	341	0,31	509	0,28	247	0,22	1796	1098
1748	811	0,44	541	0,45	546	0,29	358	0,30	495	0,27,	297	0,25	1852	1196
1749	823	0,43	549	0,46	562	0,29	366	0,31	533	0,28	276	0,23	1918	1191
1750	867	0,43	609	0,46	599	0,30	396	0,30	543	0,27	328	0,25	2009	1333

Составлено по [80. Табл. 34, 35, 37, 38, 39]. Средний процентный показатель получен путем деления объема выпущенной производителем продукции (в пудах) на общегодовой ее объем (в пудах).

Нижний Тагил (репродукция рисунка неизвестного художника).

График 1. **Выплавка железа в России в 1700–1750 гг.**

В феврале 1702 г. он попросил Сибирский приказ отдать ему Невьянский завод. В беседе с фаворитом Петра и обрусевшим сыном заводчика Андриеса Виниуса Андреем Андреевичем Виниусом [34. С. 77] Никита пообещал сделать цены на продукцию в два раза дешевле, чем у Нарышкиных и Меллеров, но попросил привлечь местных государственных крестьян к заготовке леса и перевозке грузов, а затем стал добиваться права покупать крестьян, ибо наемные работники были дороги и дефицитны.

4 марта 1702 г. Петр распорядился передать завод Никите[42] для налаживания выпуска оружия, железа и проволоки и «во всем искать такого всякому литому и кованому железу умножения, чтоб во всякой нужде на потребу всему Нашему Великаго Государя Московскому Государству, всякаго железа наделать и без постороняго Шведскаго железа пропяться было мочьно, и какие мастеры иноземцы у него в уговоре из того промыслу будут, искать и учинить, чтоб русские люди тем мастерствам были изучены, дабы то дело в Московском Государстве было прочно» [78. С. 77]. Никита получил монопольное право добывать руду на Нейве и вокруг Магнитных

[42] В грамоте Никита упоминался как Демидов, а не Антуфьев. С тех пор он всегда именовал себя так: «Грамота об отдаче туленину Никите Демидову железных заводов в Верхотурском уезде на Невье реке» [78. С. 69–79]. См. также [16. С. 52–59].

гор, подчиняться лишь Сибирскому приказу, самолично судить работников за мелкие проступки и привлекать местных крестьян к заготовке леса. За это он был должен в течение пяти лет железом возместить государству расходы на постройку завода[43]. Сравнение обязанностей и привилегий, данных Никите, и предписаний Виниусу, Акеме и Марселису, рассмотренных выше, показывает, что грамоты русским заводчикам копировали грамоты иностранным предпринимателям.

Невьянский завод Акинфия Демидова

Поверив в Никиту, и, вероятно, надеясь подстегнуть казенных приказчиков, Петр построил ему завод (правда, Никита должен был возместить затраты на строительство), предоставил сырье, пообещал дать крестьян для работы и создал рынок сбыта продукции. Однако строительство Невьянского завода продвигалось медленно [34. С. 55–77] и Никите пришлось вложить в него собственные средства.

Занятый изготовлением фузей для армии, Никита не мог покинуть Тулу и послал на Урал приказчика Емельяна Павловича Ксенофонтова, который 13 мая 1702 г. осмотрел завод и принял его в управление. Затем Никита прислал 12 мастеровых людей [16. С. 37]: будущий промышленник, а тогда мастеровой на тульском заводе Никиты Семен Семенович Баташев взял подряд на изготовление 800 пушек, а другой мастер, Степан Яковлев Трегубов, построил вторую доменную печь и цех для литья орудий. Остальные 10 тульских оружейников взялись изготовить 1000 фузей. В июне того же года Никита прислал на завод своего старшего сына Акинфия руководить работами. Вскоре в Невьянск прибыл и сам Никита с еще пятью мастерами. Так Демидовы оказались на Урале.

---

[43] Б. Б. Кафенгауз [34. С. 95] ошибочно полагает, что тогда Никита еще не имел права покупать крестьян, однако это опровергается в [78. С. 71].

ГЛАВА III

СТРОИТЕЛЬСТВО ИМПЕРИИ

Тысячу миль пришлось преодолеть Демидовым пешком, на санях и плотах, чтобы добраться из Тулы в Невьянск. Эта была глухомань, населенная непокорными племенами, регион, чьи рудные богатства еще предстояло открыть. Чтобы возместить расходы на строительство предприятия, начать освоение Урала и наладить производство продукции для государства, нужно было пустить завод [75. С. 22–23]. Опыт у Акинфия был: поработав на отцовской кузнице в Туле, где он родился в 1678 г., он был отправлен Никитой в саксонский город Фрайбург – главный центр металлургии в Европе, откуда Петр пригласил множество металлургов и куда направлял учиться русских юношей [36. Р. 22–23; 20. С. 51; 116]. Акинфию предстояло руководить промышленной империей в период первоначального накопления капитала, в эпоху ее подъема во втором десятилетии XVIII в., и когда Демидовы производили уже 52 % российского железа (см. табл. 1 и график 1).

Вскоре после приезда Акинфия прорвало заводскую дамбу. Восстановив ее, Демидов построил еще одну домну, тем самым резко увеличив объемы производства [16. С. 37–38; 30. С. 25]. В первые два года эксплуатации завода Демидовы вложили в него свыше 11000 руб. – столько же, сколько затратила казна [34. С. 149]. В 1716 г. Никита и Акинфий построили свой второй уральский завод[44].

Никита поставлял оружие по ценам в два раза ниже Меллеров и Нарышкиных – наследников мануфактур XVII в. [34. С. 159–160]. Причем если в 1702– 1718 гг. два казенных завода, расположенные поблизости от Невьянского – Каменский (основан в 1700 г.) и Уктусский (основан в 1702 г.) вместе произвели 4233 т полосового железа, то Невьянск за более чем в два с половиной раза меньшее время выковал 10658 т. Ежегодный максимальный выпуск железа в эти годы составил в Невьянске 18141 т (в 1717 г.), а в Каменске – 327 т (в 1713 г.) [55. С. 195–197][45] (см. табл. 2).

---

[44] Их Тульский завод был конфискован государством в 1703 г., чтобы не допустить истребления лесов в Подмосковье, но через четыре года Никите разрешили построить новый завод на реке Дугне вне Тулы. А Тульский завод ему возвратили 26 января 1713 г. [34. С. 158; 52. С. 73].

[45] Каждый из этих заводов имел по две домны [30. С. 22–25].

В 1716 г. Никита приступил к захвату Урала, построив Шуралинский, в 1718 г. (1716 г.?) – Верхнетагильский, а в 1718 г. – Бынговский заводы. Это дало прирост производства в 1710–1720 гг. на 307 %. Через три года Никита построил Выйский медеплавильный, а затем Синячихинский (1724 г.) и Нижне-Тагильский (1725 г.) заводы. Всего за 23 года пребывания на Урале Никита в дополнение к своему Дугновскому заводу под Тулой построил еще 6 заводов[46], выпускавших к концу его жизни свыше 60 % всего российского железа (см. табл. 1).

Никита скончался 17 ноября 1725 г. в Туле в один год с Петром Великим, а вскоре Акинфий попросил у Берг-коллегии разрешения возвести Уткинский, Шайтанский и Черноисточинский железные заводы на Урале и медеплавильный – на Алтае [33. С. 47–48]. Он построил 11 железоделательных и 7 медеплавильных заводов (см. табл. 3), а владел 27; у его братьев Никиты и Григория было еще 9 предприятий. Так Демидовы стали «хозяевами Урала».

В 1724 г. люди Акинфия обнаружили на Иртыше и его притоке Шульбе остатки древнего производства, так называемые «Чудские копи», а на Рождество 1725 г. открыли огромные запасы руды близ озера Колывань [78. С. 27–28]. Акинфий отослал ее образцы Екатерине I и фавориту двора Якову Брюсу, попросив разрешения на постройку завода, а поскольку раньше это была «татарская вотчина», т. е. частная собственность, то просил освободить его от уплаты казне десятой доли выпущенной продукции [34. С. 168]. В феврале 1726 г. разрешение было получено и в сентябре 1729 г. завод вступил в строй.

Таблица 2. **Производство полосового железа на Невьянском, Каменском и Уктусском заводах в 1708–1718 гг.** *(в пудах)*

Год	Завод		
	Невьянский	Каменский	Уктусский
1702	700	200	-
1703	4181	1146	-
1704	271	1007	1627
1705	5535	744	5830
1706	12537	2650	5595
1707	19461	3080	7095
1708	18362	3628	5437
1709	17467	5515	5377
1710	18900	983	3618
1711	40804	10700	5267
1712	37010	8890	8574

[46] Все они располагались далеко от Невьянска, Выйский – в 70 км от него [52. С. 75].

1713	55947	11971	13669
1714	56621	20116	12255
1715	44968	7460	4863
1716	68018	8361	5398
1717	100720	8292	8143
1718	90582	7872	1244
Итого	592084	102615	93992

Составлено по [55. С. 195–197].

Колывано-Воскресенские рудники получили широкую известность благодаря открытию в 1736 г. богатых залежей серебра, а в 1742 г. – знаменитого Змейногорского месторождения. Акинфий стал добывать серебро тайно и лишь к концу жизни был разоблачен, но не понес наказания[47]. На эти предприятия за более чем 1200 миль (!) были переведены работники с Урала [78. С. 29], а сами заводы из-за частых нападений местного населения приходилось защищать толстыми стенами и пушками [34. С. 219].

Дамбы и шлюзы демидовских заводов вырабатывали энергии больше, чем предприятия, построенные в конце XVII в. под Тулой, но главной причиной их высокой производительности была предпринятая Акинфием реконструкция доменных печей. Если в Туле они были в среднем 8 м высотой, то на Урале достигали 13 м, имея производительность в 3–5 раз больше казенных. В 1743 г. Акинфий еще больше увеличил их производительность, применив новую систему задувки воздуха [56. С. 8–9; 130. P. 192]. В итоге ежегодный прирост производства у Демидовых составил в 1725–1745 гг. в среднем 4,01 %, а у государства – лишь 2,08 % (см. табл. 1)[48]. Но еще в 1720 г. демидовские заводы, обладая меньшим числом домен, выплавили почти в 2,3 раза железа больше, чем казенные [42. С. 22].

Поэтому демидовские «старые и новые заводы… в хорошем весма порядке и в самых лутчих местах построены… А на государевы заводы сожалительно смотреть, что оные здесь заранее в добрый порядок не произведены» [42. С. 16]. Заводы Демидова производили почти вдвое больше железа, чем казенные, используя при этом в

---

[47] Акинфий также построил Барнаульский и Шульбинский медеплавильные заводы на Алтае, которые были конфискованы вместе с Колывано-Воскресенским в 1747 г.

[48] Рассчитано из линейного тренда по формуле: $r = \left(\sqrt[m]{\left(\frac{Xn}{Xt} \right)} - \right) 100$,

где r – средний процент прироста, m – разница в годах между первым и последним периодом, Xn – величина последнего периода, Xt – величина первого периода.

четыре раза меньше работников [130. P. 90][49]. Показатели заводов Акинфия превосходили казенные на 70 % (см. табл. 1).

Таблица 3. **Заводы, построенные Никитой и Акинфием в 1696–1744 гг.**

Завод	Специализация	Дата постройки
Тульский	Железоделательный	1696
Невьянский	Железоделательный	Приобретен в 1702
Шуралинский	Железоделательный	1716
Верхнетагильский	Железоделательный	1716
Бынговский	Железоделательный и кожевенный	Железоделательный 1718, кожевенный 1731
Выйский	Медеплавильный и железоделательный	1721
Нижнелайский	Железоделательный	1722 или 1726
Синячихинский	Железоделательный	1724
Нижнетагильский	Железоделательный	1725
Уткинский	Железоделательный	1725
Нижнечугунский	Железоделательный	1725
Верхнечугунский	Железоделательный	1725
Корельский	Железоделательный	1725
Черноисточинский	Железоделательный	1726
Шайтанский	Железоделательный	1727
Суксунский	Медеплавильный	1729
Колывано-Воскресенский	Медеплавильный	1729
Бымовский	Медеплавильный	1733
Ревдинский	Железоделательный	1734
Шаквинский	Медеплавильный	1740
Рождественский	Железоделательный	1740
Барнаульский	Медеплавильный	1741
Висимо-Шайтанский	Железоделательный	1741
Верхнелайский	Железоделательный	1742
Ашапский	Медеплавильный	1744
Шульбинский	Медеплавильный	1744
Тисовский	Кожевенный	1730

Составлено по [34. С. 186–187; 130. P. 157; 17. С. 611–629].

[49] Для 1730-х гг. В. Рожков [68. № 4. С. 120] приводит несколько более высокие показатели производительности для демидовских предприятий и чуть более низкие для казенных, чем даются в табл. 1. Б. Б. Кафенгауз [34. С. 188–195] полагал, что в 1740-е гг. производительность и демидовских и казенных заводов была выше. Данные, приводимые в табл. 1, основаны на общепринятых характеристиках домен, используемых С. Г. Струмилиным.

В 1710 г. династия выпускала примерно 28 % всего российского железа и 45 % выпускавшегося частными лицами[50]. В 1720 г. этот показатель достиг 80 %, в 1724 г. – 85 %, снизившись до 62 % в 1741 г. Ближайшими конкурентами Акинфия были Баташевы – Мосоловы, в 1726–1745 гг. контролировавшие примерно 9 % всего частного производства (6 % всей российской металлургии), затем предприятия Меллера (6 % частных и 4 % всех) и Нарышкина (3 % частных и 2 % всех).

Акинфий Демидов

По словам английских купцов, у Демидова железо «как в толстоте, так и в широте..., и в доброте и отделке состоит лучше» казенного [78. С. 20]. Поэтому его с удовольствием брали за границей: в 1736 г. Демидовы реализовали на внешнем рынке 119096 пудов (86 % частного и 45 % всего железного экспорта страны), в 1737 г. – 131184 пуда (91 % частного и 45 % всего экспорта), в 1738 г. – 205659 пудов (93 % частного и 60 % всего экспорта), а в 1739 г. – 224250 (соответственно, 88 % и 64 %) [80. Табл. 51]. Последняя экспортная отгрузка Акинфия в 1745 г. составила 219900 пудов – 68 % его продукции за тот год [34. С. 399] (о доставке железа на следующий год после смерти Акинфия см. в табл. 4).

В 1744 г. прибыль Акинфия от производства полосового железа составила от 45,95 % в Москве до 65,56 % в Казани, т. е. в среднем 57,37 % (стандартное отклонение 7,53), а средняя прибыль – 58,12 %. (см. табл. 5). Согласно Татищеву, себестоимость одного пуда полосового железа на казенном заводе в 1738 г. составляла 40 коп., а с учетом транспортировки – в среднем 57 коп. При продажной цене железа в Петербурге 60 коп. за пуд прибыль государства составляла 5,26 % [130. Р. 119–120] от себестоимости, а Акинфия – 64,34 %.

Чем это было вызвано? Отчасти, как считал В. Геннин, в удачном выборе месторасположения заводов, но особенно рек – они не замерзали зимой и не разливались весной; прибыв на Урал раньше всех, Демидовы успели захватить лучшие места. Кроме того, они часто были в одном лице и продавцами, и приказчиками, и кадро-

[50] Сравнительные показатели по демидовским заводам и предприятиям других частных производителей взяты из [80. Табл. 34, 38].

виками, а иногда, хотя для этого имелись специалисты, и юристами [133. Р. 77].

Таблица 4. **Состав каравана Акинфия Никитича в 1746 г.**

Пункт назначения	Число барж	Вес (в пудах)	Цена (руб.)
На продажу			
Петербург	23	118509	73684,35
Москва	5	30450	19489,31
Тверь	5	35313	19512,93
Ярославль	5	28598	12487,99
Кострома и Норское	1	7898	4171,30
Белев	1	6014	2546,87
Тула	2	15909	6895,31
Симбирск	1	7174	3383,65
Макарьевская ярмарка	1	9333	13519,77
Казань	–[51]	4027	2769,70
Соль Камская	1	4572	2097,57
Тобольск, Тара, Тюмень	1	4879	2518,03
Суксунский, Ашапский и Бымовский заводы	2	4044	1303,61
Отправка чугуна на переработку в железо			
Тульский завод	3	22854	1371,24
Рождественский завод	4	28451	1808,10
Чугунский нижегородский завод	7	45495	12301,20
Итого	52	373520	179860,98

Составлено по [34. С. 398–401].

Хотя оба Демидовых часто бывали в столицах, они старались не покидать надолго своих предприятий [47. С. 51; 69. № 7. С. 37], ибо «заводы, яко детище малое, непрестанного требуют к себе доброго надзирания» [20. Приложение, с. 9].

У Демидовых царила строжайшая дисциплина и они вникали во все. Так, обращаясь 15 февраля 1738 г. к Спиридону Петрову, рас-

[51] Груз отправлялся на баржах, шедших в другие места доставки.

ходчику Суксунского завода, Акинфий просит сообщить о стругах, переданных им несколько лет назад предприятию, о плавильном надзирателе Михаиле Попове, о том, что сейчас с приказчиками, мастеровыми и рабочими [51. С. 152].

Таблица 5. **Стоимость продукции, транспортные расходы, продажная цена и прибыль по Невьянскому заводу в 1744 г.**

Пункты назначения	Себестоимость на заводе	Провоз	Себестоимость в пункте назначения	Продажная цена	Прибыль	Прибыль в %
	В коп. за пуд					
Москва	26 3/8	9 ¼	35 5/8	52	16 3/8	45,94
Петербург	26 3/8	12 1/5	38 7/8	60	21 1/8	54,34
Казань	26 3/8	3 ¾	30 1/8	50	19 ¾	65,56
Ниж. Новгород	26 3/8	4 ½	32 5/8	50	17 ¼	52,90
Ярославль	26 3/8	6 ¼	33 7/8	55	21 ½	63,40
Тверь	26 3/8	7 ½	30 7/8	50	19 1/8	61,90

Составлено по [34. С. 212].

Инструктируя приказчика Ревдинского завода Якова Егорова, Акинфий требует от него беречь инструменты, не принимать беглых[52], выдавать ярлыки (паспорта) крестьянам, отлучавшимся с завода, присылать ежемесячный отчет о расходах и доходах, следить за заготовкой древесины и сырья, противопожарной безопасностью, охранять заводской скот, строить избы для рабочих, вовремя платить зарплату, ссужать работникам деньги и хлеб и лечить больных за счет предприятия [51. С. 155, 160].

Акинфий старался снизить транспортные издержки, восстановил водный путь по Чусовой, открытый примерно за 120 лет до этого Ермаком [78. С. 17–18] и построил лучшую в России сеть дорог [115. Bd. IV. S. 410–411; 58. С. 227].

В качестве мастеровых Демидовы привлекли старообрядцев. Тогда в России было два главных железоделательных региона – Тула и Олонец, причем последний являлся и центром северного старообрядчества. Основную часть их работников составляли раскольники. В 1704 и 1714 гг. эти поселения староверов были легитимизированы [29. С. 154–155]. Образ жизни раскольников способствовал накоплению ими капитала, рождал среди них мастеровых и работных

[52] Что удивительно, ведь Акинфий принимал их на свои заводы.

людей[53]. Староверы жили скромно, бережливо, не употребляли спиртного, были трудолюбивы и работали артелями [68. № 6. С. 448; 130. Р. 253; 108. Р. 221–222]. В. Геннин, будучи директором Олонецких заводов, вынужден был использовать их за эти качества.

Из Олонецка множество староверов переселилось в Тулу, а затем, вследствие репрессий, в конце XVII в. – на Урал, где было спокойнее [29. С. 157–159].

Никита и Акинфий[54] активно привлекали их в качестве приказчиков и мастеровых [29. С. 161–162; 47. С. 36]. В этой связи можно упомянуть Гаврилу Семенова [29. С. 162], Игнатия Ильина, Григория Сидорова, Мануила Петрова и Степана Егорова. Сделав ставку на староверов, Демидовы не ошиблись: считается, что государство, отказавшись от привлечения раскольников, не смогло в силу этого реализовать ряд своих проектов [28. С. 343–344; 11. Т. III. С. 165].

Иногда Демидовы назначали приказчиками своих родственников. Так, Семен Иванович Пальцов, брат второй жены Акинфия Евфимии Ивановны, являлся приказчиком Тульского завода, а Лукиян Марков – муж сестры Акинфия, входил в число главных управляющих [68. № 5. С. 247]. Кроме того, зять Акинфия – тульский оружейник Федор Петрович Володимеров, которому Акинфий поручил заниматься отстающими заводами, являлся его главным приказчиком в Петербурге[55].

Благодаря староверам Демидовы решили проблему дефицита кадров, ведь многие раскольники были опытными кузнецами [115. Bd. IV. S. 404–405; 58. С. 227, 253]. В 1735 г. на предприятиях Акинфия насчитывалось 1250 мужчин и 611 женщин, придерживавшихся старой веры [72. Ф. 11. Д. 95. Ч. 1. Л. 20–22 об]. С 1744 г. по 1754 г. численность только учтенных раскольников возросла с 2732 до 4029 человек [29. С. 169]. На одном Нижнетагильском заводе в

---

[53] Уильям Блэкуэлл указывает на аналогичные факты у старообрядцев Москвы в XIX в. [100]. Далее все ссылки на репринтное переиздание его работы.

[54] Они старались скрывать свои религиозные убеждения, тем более что Татищев только и искал повод, чтобы расправиться с ними. Но все говорит о том, что они были раскольниками: Никита и Акинфий покровительствовали Выговской пустыни – одной из крупнейших ранних раскольничьих общин на Севере [104], дружили с ее основателем Андреем Денисовым и помогали материально Выге и Шарташу – главному центру раскола на Урале. Никита помог восстановить Выговскую пустынь после ее пожара в 1720 г.

[55] В своем завещании Акинфий предписывал Володимирову выделить 20000 руб. для своего сына Григория. Володимеров ранее уже выделял Григорию 10000 руб., когда тот проживал с ним в Петербурге [72. Ф. 11. Д. 95. Ч. 1. Л. 28, 30; Ч. 2. Л. 303 об.].

1746 г. староверы составляли свыше 70 % его работников [34. С. 359–360]. При Акинфии Невьянский завод стал центром уральского старообрядчества [29. С. 162].

Никита сразу сделал ставку на крепостных, а не на свободных работников. Он хотел создать заводские поселки для работных людей и одновременно просил казну предоставить заводам покосы для домашнего скота и землю под пашню [42. С. 16]. В марте 1702 г. государство удовлетворило просьбы Никиты, но отказалось финансировать переселение на заводы людей, а в декабре начало приписывать к ним крестьян[56].

В 1737 г. Акинфий попросил правительство навсегда передать ему беглых, осевших на его заводах [68. № 5. С. 258–259]. В письме к барону Черкасову 20 июня 1745 г. Акинфий пояснял, что наемных работников с паспортами (как требовал закон) сыскать непросто, и они дороги, а приказчики барона Строганова скупают фактически всех свободных работников на Урале [72. Ф. 11. Д. 95. Ч. 2. Л. 71–71 об.]. Используя труд приписных, а не дорогостоящих наемных работников, Демидовы смогли еще больше снизить себестоимость продукции.

Но какой ценой был достигнут этот успех? Известно, что на демидовских заводах все приказы исполнялись беспрекословно, а за ослушание виновных сурово наказывали [51. С. 148–160]. За порчу сырья людей жестоко избивали, заковывали в кандалы и бросали в печи (видимо, в недействующие). Демидовы захватывали рудники, похищали мастеровых, присваивали сырье и не разрешали никому заготавливать лес, переманивали к себе местных рудознатцев, расправлялись с теми, кто сообщал о находках руды конкурентам или казне [18. С. 148–152; 69. С. 38–46; 20. С. 27; 47. С. 58–59], боролись с казенными заводами [52. С. 81–85] и даже изгоняли крестьян из строгановских вотчин, чтобы сделать их безлюдными и на основании берг-привилегии начать освоение их недр [18. С. 148][57].

Промышленная империя Демидовых возникла благодаря особым отношениям их с государством, преимущественно с монархом. Поэтому мы сначала рассмотрим этот вопрос, а затем проанализируем экономические представления Никиты и Акинфия.

---

[56] Так, 30 июля 1720 г. граф Николай Федорович Головин продал Никите село Фокино за 3000 руб. [1. Ф. 226. Оп. 1. Ед. хр. 186]. О приписке работников см. гл. IV настоящей книги.

[57] Попытка Акинфия «возвратить» рудники от Строгановых оказалась менее успешной: [52. С. 388].

ГЛАВА IV

БРАК ПО РАСЧЕТУ: ГОСУДАРСТВО И ДЕМИДОВЫ

Подобно тому, как руда без металлурга является всего лишь куском породы, так и Демидовы без поддержки государства оставались бы мелкими тульскими заводчиками. Стремясь наладить выпуск железа, казна закрывала глаза на явные безобразия Демидовых [39; 123. Р. 398].

С 10 декабря 1719 г. основным законом для промышленников стала берг-привилегия, а управление казенными железоделательными заводами было возложено на Берг-коллегию, контролировавшую и партикулярных лиц [64. Т. V. № 3464]. До этого судьба заводчиков зависела от произвола чиновников [47. С. 28–29]. Теперь же все могли искать, добывать и выплавлять руду на своих, казенных и даже частных землях, владеть заводами и передавать их по наследству, рассчитывать на финансовую поддержку строительства, техническую помощь в добыче и переработке сырья, налоговые льготы, освобождение от рекрутчины и контроля со стороны госчиновников (за исключением сотрудников Берг-коллегии).

Указами от 17 января 1721 г., 8 ноября и 3 декабря 1723 г. все заводовладельцы, их дети, братья, компаньоны, десятники и мастеровые освобождались от государственной службы [64. Т. VI. № 3710; Т. VII. №№ 4352, 4378, п. 13], 18 января 1721 г. им разрешили покупать землю и прикрепленных к предприятиям так называемых «посессионных» крестьян [64. Т. VI. № 3711][58], что позволило ликвидировать дефицит рабочей силы. В апреле 1722 г. правительство разрешило заводчикам оставлять у себя беглых, если они овладели ремеслом [64. Т. VI. № 3919][59].

Царь хотел сохранить доминирование казны в уральской черной металлургии [11. Т. III. С. 127–234, особенно с. 156–175]. В 1702 г., передав Невьянский завод Никите, он направил туда главу Сибирского приказа Андрея Андреевича Виниуса для выяснения ситуации. Петр стремился к увеличению выпуска железа для удовлетво-

[58] До этого недворяне не имели права покупать крепостных.

[59] Плакатом от 26 июня 1724 г. устанавливалось, что владелец должен был заплатить помещику за такого беглого 50 руб. [64. Т. VII. № 4533].

рения нужд армии, а Никита в первую очередь жаждал получить постоянную рабочую силу [34. С. 115–119] в лице приписных крестьян соседних деревень, т. е. феодальные, а не капиталистические права и привилегии. Никита был даже готов оплачивать оброк и другие тягла своих приписных.

6 декабря 1702 г. царь выдал Демидову дополнительную грамоту на Невьянский завод, обязав работать старательно, «ленивых наказывать, с тем однако же, чтобы люди от чрезмерной жестокости не разбежались» [78. С. 80]. Петр дал еще ряд указаний, но для Никиты важнее всего было то, что крестьяне соседних Аяцкой и Краснопольской слобод теперь навечно приписывались к Невьянскому заводу. 9 января 1703 г. Никите передали 2500 крестьян монастырского села Покровское [78. С. 13–14; 34. С. 122]. Демидову было поручено реформировать и развить российскую металлургию, которая тогда находилась не в лучшем состоянии [42. С. 13].

Видимо, завидуя Никите, верхотурский воевода А. Калитин, несмотря на переход Невьянского завода в ведение Сибирского приказа, продолжал посылать туда проверяющих [34. С. 110–117]. Тогда Демидов приехал в Москву и рассказал, как воевода отбирает железо, механизмы, рабочих и запрещает использовать государственных крестьян на вспомогательных работах. 4 апреля 1704 г. Сибирский приказ запретил Калитину вмешиваться в дела Никиты [78. С. 14–16] и вскоре воевода был отозван.

Но тут приключилась новая напасть: в 1712 г. фискалы Петра обвинили Демидова в утаивании железа [71. С. 330–344]. Глава страшной Розыскной канцелярии, гвардии капитан-поручик Иван Плещеев три года занимался расследованием этого, пока Никита не пожаловался царю, а тот запросил князя Василия Долгорукова. Последний подтвердил, что продукция Никиты дешевле других поставщиков и с уплатой налогов у него все в порядке[60].

14 апреля 1715 г. правительство запретило местным начальникам притеснять Никиту, обязав помогать ему выполнять военные заказы [64. Т. V. № 2904] и передало Демидова, его детей и заводы под присмотр канцелярии князя Долгорукого. 20 декабря 1720 г. Петр объявил, что «губернаторам, воеводам и прочим начальствующим велено смотреть, дабы оных заводов и промыслов у Демидова никому никакими мерами не останавливать и обид никаких ему не чинить под опасением Его Царского Величества и пени» [78. С. 25]. Единственным начальником Никиты теперь стал царь.

---

[60] После этого Никита обратился к Долгорукому с просьбой вернуть ему конфискованное железо. Но оказалось, что Плещеев уже отправил дело Никиты в Сенат. Тогда Долгорукий забрал его себе и 27 июня приказал вернуть Демидову железо. После этого Никита попросил поручить следствие князю Долгорукому. Петр дал на это согласие [71. С. 342].

Но на смену местным властям, преследовавшим Никиту, в 1720 г. пришел В. Н. Татищев, прибывший на Урал поднимать казенную промышленность. В свое время Акинфий прогнал прибывшего к нему посланника тобольского воеводы [47. С. 40], заявив: «У твоего воеводы один указ, а у меня в руках другой указ – государев» [69. С. 37]. Аналогично он поступил и с Татищевым.

Конфликт между Акинфием и Татищевым был конфликтом двух стратегий управления. Раньше царь отправлял в отдаленные регионы своих воевод, которые не были подчинены соответствующему органу в столице: московское правительство понимало централизацию своеобразно – когда в одном лице или учреждении соединялись разнородные предметы, взаимно соприкасающиеся в жизни [36. Т. III. С. 139–141]. Власть воеводы не была четко определена и охватывала все сферы жизни [85. С. 75–81, 118–120, 337–340, 482–489]. Правда, он получал подробные указания от своего Приказа, но их поступало так много и они были столь путанными, что исполнить их не представлялось возможным [85. С. 104–259][61] и тогда царь разрешал воеводе поступать «как пригоже, смотря по тамошнему делу, как Бог вразумит» [85. С. 261][62]. Оплошность воеводы могла стоить ему должности или даже жизни. Тем не менее, он был абсолютным хозяином на вверенной ему территории[63].

Вместо этого Петр ввел коллегиальную систему, основанную на четком распределении полномочий, что ликвидировало произвол воеводы, а коллегии стали взаимодействовать с местной властью [134. P. 197]. Однако у Сената и коллегий не было представителей на местах [22. Т. I. С. 28–32, 70–75, 130–133, 170–171; 85. С. 339–340; 24. С. 51–58; 31. Т. I. С. 292–295], хотя несколько учреждений, в том числе имеющая отношение к нашей теме Берг-коллегия, послали своих людей на периферию [134. P. 66–67].

Оба Демидовых, считая себя посланниками Петра на Урале, игнорировали местную власть[64]. Но полномочия сотрудника Берг-

---

[61] Б. Н. Чичерин перечисляет множество обязанностей и прав воеводы. См. также краткий обзор указаний, присылавшихся из центра: [134. P. 28].

[62] Согласно В. О. Ключевскому, это привело к тому, что «в воеводском управлении превышение власти чередовалось с ее бездействием» [36. Т. III. С. 141].

[63] Б. Н. Чичерин [85. С. 259–262] утверждает, что власть воеводы была неограниченной и бесконтрольной, но он нес ответственность перед царем за все происходящее на его землях <сейчас см. еще: *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998>.

[64] Положение Демидовых теперь было совершенно иным, чем во времена воеводы Калитина; впрочем, Никита и Акинфий не разбирались в политике и были готовы поддерживать любую власть, которая бы служила их интересам.

коллегии В. Н. Татищева были столь обширными, что не замечать его было нельзя.

Ознакомившись с ситуацией, он составил жалобу на Демидовых, а Берг-коллегия 20 июля 1721 г. повелела Акинфию выполнять предписания царского посланника[65]. Затем Татищев запретил Акинфию строить лесопильную мельницу без письменного разрешения Берг-коллегии, пожаловался, что тот без позволения делает из найденного асбеста «висон, или несгораемое полотно», а также отказывается платить десятину натурой [34. С. 164], на что Акинфий ответил: «Когда пришлется указ от берг-коллегии, мы тогда готовы платить» [47. С. 44].

Недавняя попытка представить эти события как конфликт добра (Татищев) со злом (Акинфий) явно неуместна в виду незначительности данной ссоры; скорее всего Татищева просто взбесили неподчинение Акинфия [106][66] и грубость его приказчиков: «Мы капитану (Татищеву) не послушны, указов его не принимаем и ему до нас дела нет. Если нужно что, – пусть сам едет... А посланных с указами будем в кандалах держать, в тюрьме, до приезда хозяина» [69. С. 38]. Местные крестьяне тоже отказывались повиноваться Татищеву, а солдаты Демидова однажды предложили ему устроиться простым рабочим на завод. Акинфий презрительно называл царского посланника «капитанишкой» [69. С. 39–42]. На Урале Демидовы никого не считали равным себе!

Не сумев подкупить Татищева, Никита обратился за помощью к графу Ф. М. Апраксину и князю А. Д. Меншикову [42. С. 16][67]. В итоге Татищева отстранили от должности и в начале 1722 г. он выехал в Петербург [8. С. 15]. 7 июля 1722 г. Никита доложил Берг-коллегии, что своими действиями Татищев нанес большой ущерб заводам и поставил под угрозу выполнение госзаказов [69. С. 55–56]. В итоге Татищева заменили на бывшего партнера Демидовых Вильгельма Ивановича Геннина [64. Т. VI. № 3986; 17. С. 16][68].

Новый посланник царя, изучив обстановку, сообщил про Акинфия, что «здесь, на Урале, никто не смел ему, боясь его, слова выговорить и он здесь поворачивал, как хотел» [69. С. 55–56]. Геннин

---

[65] Акинфий приказал нападать в дороге на царских курьеров и отнимать у них донесения Татищева [69. С. 37, 41–42; 47. С. 44].

[66] Р. Дэниэлс излишне доверился положительному образу Татищева, созданному на страницах [66].

[67] На стороне Демидова была и императрица, которой он дарил ценные подарки [47. С. 45; 20. С. 26–27].

[68] В 1716 г. Геннин направил в Невьянск мастера, чтобы тот ускорил выпуск пушек и построил там модернизированную домну «по английской пропорции», а другой присланный им специалист занялся обучением демидовских работников.

понял, что Демидовы не хотели процветания государственных заводов, чтобы получать лучшие заказы и казенных людей. А Татищев, которого он сам недолюбливал, оказывается старался возродить казенные предприятия [69. С. 47–48, 62].

Но поскольку Демидовы работали на армию, Геннин вынужден был с ними ладить [86. С. 334–335; 78. С. 22–23]. В 1722 г. он на радость Демидовым запретил кустарные кузницы и крестьяне теперь должны были продавать руду казенным предприятиям, не перерабатывая ее [42. С. 17]. За три года своего пребывания на Урале Геннин построил два железоделательных завода – Екатеринбургский (1723) и Толмачевский (1725), и четыре медеплавильных – Лоднинский (1723), Ярушихинский (1723), Екатеринбургский (1724) и Полевский (1724) [42. С. 16].

За заслуги перед государством 21 сентября 1720 г. Петр возвел Никиту в наследные дворяне. Впервые русский простолюдин удостоился такой чести[69], а через пять лет Петр подарил Никите свой портрет [5. Т. II. С. 199]. Едва успев его получить, Никита умер. Его наследник Акинфий, чтобы не утратить огромное богатство, должен был наращивать объемы производства и укреплять свои позиции при дворе.

Екатерина I освободила Акинфия и его братьев от обязанностей, обычных для других дворян [58. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 2] и разрешила продавать избыток меди и железа на рынке [34. С. 170]. Для того, чтобы конкурировать на внешнем рынке, государство заключило с Демидовыми в 1731 г. выгодный для них контракт. Императрица Анна отменила для предприятий Акинфия рекрутский набор и постой войск [64. Т. IX. № 6440]. Отчасти этому поспособствовали светлейший князь А. Д. Меншиков, а позже личный секретарь императрицы Елизаветы барон И. А. Черкасов. Последний, являясь главой Кабинета Ее Императорского Величества, выгораживал Акинфия от обвинений – во многом справедливых – в хищениях, уклонении от уплаты налогов и самоуправстве. Однако в 1733 г. власти все же начали расследование налоговых злоупотреблений Акинфия и продаж им оружия местным аборигенам, боровшимся с империей[70]; ему, находившемуся тогда в Москве, было запрещено возвращаться на Урал.

---

[69] В 1851 г. было установлено, что до Никиты титул графа или барона получили шесть человек, но все они уже были дворянами [1. Ф. 49. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 96–97].

[70] После жалоб на Акинфия местных уральских чиновников и двух его людей заводские приказчики стали нести ответственность за мошенничество хозяев. Донесшим на своих господ полагалась треть суммы наложенного на нарушителей штрафа. [68. № 5. С. 243–245; 64. Т. VIII. № 6108].

Длившееся 18 месяцев следствие пришло к выводу, что Акинфий продавал железо казне втридорога, не платил налоги и давал взятки президенту Коммерц-коллегии барону П. П. Шафирову [68. № 5. С. 247–250; 130. Р. 110–111]. Однако доказать удалось только неуплату налогов. 13 марта 1735 г. Акинфию разрешили вернуться на заводы, а 29 марта 1738 г. с него были сняты все обвинения [130. Р. 111].

Он сразу же пожаловался фавориту государыни Эрнсту Иоганну Бирону [67. С. 345], что следствие нанесло ущерб его заводам[71]. Вскоре между ними установились взаимовыгодные отношения, продолжавшиеся до самого падения Бирона в 1740 г.: Акинфий помог ему прикарманить казенные предприятия, а тот в свою очередь посодействовал очередному смещению Татищева.

В 1734 г. Татищев занял место Геннина на Урале. Имея поручение, «ежели... заводы Демидова медные, для пользы Нашей надобно взять на Нас, то оные у него взять» [64. Т. IX. № 6559], он конфисковал их у Акинфия и заставил продать выплавленную на Выйском заводе медь по 4 руб. за пуд, т. е. на 2,5 руб. ниже себестоимости [47. С. 55]. Затем Татищев переманил двух иностранных мастеровых, привезенных Акинфием из Петербурга, и обложил двойным налогом, как того требовал закон, раскольников на Черноисточинском заводе [47. С. 55; 68. № 6. С. 443], полагая, что после этого они уйдут от Акинфия. Он также потребовал открыть заводские школы, оплачивать рабочим время болезни и простоя заводов[72] и конфисковал у Демидова Колывано-Воскресенский завод за тайную плавку серебра.

Но тут в ситуацию вмешались Бирон и всесильные Строгановы, которым Татищев также успел перейти дорогу [61. Р. 98; 20. С. 80]. Акинфий обвинил Татищева в том, что тот открыл трактиры вблизи его заводов, в результате чего не только работники, но и приказчики проводили там целые дни [68. № 6. С. 443–445; 67. С. 334; 52. С. 77][73]. Комиссией, созданной 23 мая 1733 г. для разрешения конфликта [64. Т. IX. № 6411; 34. 173–174; 130. Р. 96–97], руководил Бирон. В итоге Татищев проиграл [64. Т. IX. №№ 6840, 6939] и был отправлен на Южный Урал подавлять бушевавший там бунт [66. С. 181–192].

---

[71] На самом деле объемы производства за время следствия возросли на более чем 46 %. Видимо, Акинфия впечатлил сильный спад в начале этого периода (см. табл. 1 и график 1).

[72] Это расследование шло одновременно с обсуждением правительством Анны инициированного Бироном и другими придворными вопроса о приватизации всех казенных заводов.

[73] Инструкции Татищева подчиненным и жалобу Акинфия императрице см. в [49].

В январе 1736 г. императрица Анна разрешила Демидову навсегда приписать к заводам государственных и монастырских крестьян, получивших там рабочие профессии[74]. С 29 марта 1738 г. Акинфий платил только налог с производства и мог свободно распоряжаться своей продукцией [64. Т. X. № 7548], а незадолго до своей кончины Анна присвоила ему чин статского советника [134. С. 177].

При Елизавете, в 1742 г., Акинфий стал действительным статским советником (генерал-майором). В феврале 1744 г. он преподнес императрице слиток золотистого серебра весом в 27 фунтов и в обмен получил ее высочайшее покровительство [67. С. 328]. С 24 июля 1744 г. Акинфий подчинялся только императрице [64. Т. XII. № 8998], став одним из самых независимых людей в России[75].

Отчасти этому поспособствовал барон Черкасов, которому Демидов подарил аналогичный слиток [67. С. 327]. В феврале 1745 г. барон добился незаконного запрета Петру и Гавриле Осокиным, а также остальным заводчикам добывать руду на землях Акинфия и вести там горное дело [72. Ф. 11. Д. 95. Ч. 2. Л. 44–45][76].

Таблица 6. **Недвижимое наследие Акинфия Демидова** [34. С. 221].

«Звание вещей»		**На заводах**	**В городах и уездах**	**В вотчинах**	**Итого**
Заводов	Медных	4	–	–	224
	Железных	18	–	–	
	Кожевенных	–	2	–	
Пристаней		3	–	–	3
Сел		–	–	36	36
Домов и дворов заводчиковых		65	34	21	120
Домов приказчиковых, ... мастеровых и работных людей		3661	–	–	3661
Базар, в нем рядов		3	–	–	3
Лавок мясных		32	–	–	32

[74] Указ Анны от 7 января 1736 г. [64. Т. IX. № 6858] применялся ко всем заводчикам, но в указе от 6 ноября 1738 г. [64. Т. X. № 7684], освобождая работников Акинфия от рекрутских наборов, она ссылается на указ от 12 ноября 1736 г. (отсутствует в [64]), позволявший ему оставлять у себя беглых.

[75] Через шесть лет такие же права получил А. И. Шувалов, приобретший бывшие заводы Меллеров [52. С. 56].

[76] Влияние Акинфия было таково, что власти, обнаружив нелегальную добычу серебра на Колывано-Воскресенских заводах, конфисковали их уже после смерти заводчика, но с выплатой наследникам значительной компенсации [72. Ф. 11. Д. 95. Ч. 2. Л. 45; 64. Т. XII. № 9403].

Плотин	25	–	–	25
Фабрик доменных, молотовых, колотушечных и пр.	123	–	–	123
Полотняная фабрика	–	–	1	1
Кузниц	38	–		42
Слесарных	6	–	–	6
Каменных кладовых мест	10	–	–	10
Каменных же и деревянных кладовых, кожевенных и пильных амбаров	112	1	–	113
Сараев	89	–	6	95
Пильных мельниц	11	1	–	12
Мельниц хлебных	7	16	41	64
Житниц деревянных	–	–	142	142
Мыловарных изб	1	–	–	–

Брак государства с Демидовыми оказался взаимовыгодным: в 1743 г. они выплавили свыше 857000 пудов чугуна, т. е. 57 % его выпуска в стране (см. табл. 1), а их недвижимость к концу жизни Акинфия оценивалась в 2500000 руб. [72. Ф. 11. Д. 95][77] (см. табл. 6), из которых стоимость заводов составляла примерно 2000000 руб., продукции – 195000 руб., запасы хлеба – 35000 руб., наличных денег было 36900 руб., векселей – 78200 руб., драгоценных камней – на более чем 52000 руб. Все состояние Демидовых оценивалось примерно в 2900000 руб., или свыше 26000000 руб. в ценах конца XIX в.[78]

ГЛАВА V

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ ДИНАСТИИ

Экономическое поведение можно определить как социальные ценности, которые влияют на восприятие человеком, действующим в рамках своего Weltanschauung <мировоззрения. – нем.>, действительности, и которые не являются простыми, рациональными, «объективными» ответами на его потребности. Другими словами, реальность социальна и поведение человека в ней определяется его

[77] Краткое описание наследства см. [34. С. 219–233].

[78] Согласно Б. Б. Кафенгаузу, проанализировавшему стоимость хлеба, 1 руб. периода 1740–1750 гг. соответствовал 9 руб. в конце XIX в.

социально-экономическими идеалами. Поэтому, чтобы понять деятельность Никиты и Акинфия, необходимо выяснить социально-экономические представления, которые ее определяли.

Однако они не лежат на поверхности и их можно выявить только по поступкам человека. В этом отношении исследователям Акинфия крупно повезло: в 1734–1736 гг. Татищев провел в Екатеринбурге совещание заводчиков и их приказчиков, чтобы обсудить проект нового Горного устава[79]. От Акинфия в нем участвовали три приказчика – Степан и Яков Егоровы и Степан Петелин. По их речам можно выяснить отношение Акинфия к производству и обществу, и в какой-то мере понять его мировоззрение.

На стороне помещиков были Строгановы, а приказчики Акинфия, несмотря на наличие у него многочисленных поместий, выступили главными выразителями взглядов промышленников.

Заводчики согласились с тем, что не следует раздавать всем право производить железо, ибо это снизит доходы нынешних промышленников, отвергли попытки ограничить выпуск менее качественных, но зато более дешевых товаров для внутреннего рынка, выступили против фиксированной заработной платы для рабочих, обязательного обучения их грамоте и оплате лечения [66. С. 92–149].

Помещичья группировка поддержала положения берг-привилегии 1719 г., которая давала всякому нашедшему на своих землях полезные ископаемые или руду приоритетное право на их эксплуатацию. Промышленники же считали, что добывать руду может тот, кто ее первым нашел, и не важно, на чьей земле, требовали увеличить размеры земель, отводимых вокруг рудников и заводов, и уменьшить арендную плату за использование леса [66. С. 24–58].

Наиболее жаркие дискуссии разгорелись вокруг заводских работников. Сторонники Демидова выступили против попыток помещичьей группировки сократить время работы крестьян на заводах и не направлять их на отдаленные предприятия [66. С. 60–75]. Тем самым Акинфий выступил как заводчик, хотя и был крупным помещиком [72. Ф. 11. Д. 95. Ч. 1. Л. 45–49][80].

Первые Демидовы и семьи свои создавали соответственно своим идеалам. Никита был женат на дочери тульского оружейника Авдотье Федотовой [61. Т. I. С. 360], первая жена Акинфия Евдокия[81] Тарасовна Коробкова происходила из купцов [1. Ф. 49. Ед. хр. 2. Л. 80], после ее смерти в 1723 г. он вновь женился на тульской купчихе – Акимье[82] Ивановне Пальцовой [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 723.

---

[79] О целях Татищева см.: [105. Р. 49–57]. Сами документы: [66].

[80] См. также [49. С. 228–231].

[81] <В литературе встречается и другой вариант – Авдотья>.

[82] <В литературе встречаются и другие варианты – Афимья, Евфимия>.

Л. 145 об]. Дочь Акинфия, Евфимия, стала женой новгородского купца Ивана Михайловича Сердюкова [72. Ф. 11. Д. 95. Ч. 2. Л. 304] (позднее он получил дворянство).

Хотя 21 сентября 1720 г. Петр сделал Никиту дворянином, Авдотья в своем завещании от 23 октября 1727 г.[83] чаще называет мужа «камиссаром». Аналогичным образом это повторяется и в надгробной эпитафии на могиле Никиты [78. С. 57–58], и в его документах [78. 23–24; 35. Гл. 2. С. 71]. Очевидно, для Никиты чин комиссара был ценнее статуса дворянина.

Нарушив русскую традицию, Никита, ссылаясь на указ Петра о престолонаследии[84], завещал заводы Акинфию, ибо не видел тяги своих младших сыновей к металлургии [68. № 5. С. 292–294].

Очевидно, что Демидовы, став дворянами, не были готовы сразу порвать с прошлым. Поэтому завещание Авдотьи заверили представители местной власти и промышленно-купеческой прослойки.

Когда самому Акинфию пришло время писать завещание, он отписал все заводы проявившему себя способным бизнесменом единственному сыну от второй жены Никите Акинфиевичу [72. Ф. 11. Д. 95. Ч. 2. Л. 302 об], что привело к долгой и ожесточенной борьбе остальных сыновей за наследство[85].

Как отмечалось выше, Никита и Акинфий были староверами. В России, как и в других странах[86], религиозные преследования приводили к активизации экономической деятельности. Изолированность раскольников, отсутствие строгого государственного контроля, слабое влияние православной церкви и дефицит рукоположенных священников привели к возникновению упрощенного богослужения и самодостаточных, прилежных и аскетичных религиозных общин [46. С. 234; 100. P. 142–143]. В силу своих упоминавшихся выше качеств раскольники смогли накопить значительный капитал, а их маргинальное положение в обществе способствовало появлению у них значительной предпринимательской прослойки.

Аналогичные явления наблюдаются у многих религиозных меньшинств, преследуемых доминирующими социальными группами, например, у английских нонконформистов и французских

---

[83] Копия завещания Никиты не сохранилась. Ссылка на него содержится в завещании Авдотьи [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 759]. Указ, содержащий основные пункты завещания Никиты, имеется в [1. Ф. 49. Ед. хр. 18. Л. 15–16]. В. Рожков [68. № 5. С. 293–294] пересказывает последнюю волю Демидова на основании его жалобы, поданной Петру Великому в декабре 1720 г.

[84] На самом деле в указе Петра от 23 марта 1714 г. говорилось не о том, что старший сын имеет право на все недвижимое наследство, а скорее о том, что его может получить один из сыновей.

[85] См. гл. VI настоящей книги.

[86] См., например: [107. P. 221–222; 118. P. 28–29, 185–199].

гугенотов [118. P. 30]. Однако раскольники могли заниматься коммерцией и промышленным производством [114. P. 35–36; 100. P. 157], благодаря чему Никита и Акинфий вошли в элиту общества.

Со временем мир русской знати стал Акинфию ближе, чем суровые нравы юности[87] и с 1726 г. он начал устанавливать контакты с элитой общества. В тот год он продал свой дом графу П. М. Апраксину, а сам вселился в его [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 765]. Позднее он близко сошелся с Меншиковым, Черкасовым и Бироном, пытаясь с помощью последнего получить титул барона.

Невьянский промышленник скупал огромные участки земли, особенно в Туле, где он приобрел почти все частные поместья[88], обманом завладел обширными угодьями неграмотных башкир и татар[89], и обладал еще почти 33000 десятинами пахотной земли, 4000 десятинами пустоши и 60500 десятинами лугов – всего свыше 263250 акров. Кроме того, у него было свыше 30000 мужиков.

Если у Никиты в Туле был скромный деревянный дом, то Акинфий воздвиг в Невьянске огромный каменный особняк, в котором устраивал роскошные приемы [130. P. 57]. Разница между отцом и сыном заметна даже на портретах: Никиту изображали в традиционном русском костюме и с окладистой старообрядческой бородой, а Акинфия, напротив, гладко выбритым, в шелковом кафтане, сшитом на французский манер, и в напудренном парике [68. № 6. С. 448]. Отец и сын символизировали, соответственно, до- и послепетровскую Россию. В доме Акинфия причудливо переплелись обе эти эпохи: иконы соседствовали с портретами, часами, зеркалами, барометрами, компасами и даже органом[90], в гардеробе заводчика имелась как европейская, так и традиционная русская одежда [34. С. 231], его библиотека насчитывала примерно 440 томов на русском и немецком языках [34. С. 231]. Двойственное социальное положе-

---

[87] Различия во взглядах разных поколений отразились и в завещаниях Демидовых. Акинфий грозился проклясть своих сыновей, если они не согласятся с его волей, набожная же Авдотья завещала свое состояние бедным, на содержание ее церкви и ежегодное поминовение себя и Никиты [72. Ф. 11. Д. 95. Ч. 2. Л. 302–307; Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 759].

[88] Неполный список его земельных сделок насчитывает свыше 114 дел [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 723. Л. 35–54].

[89] Всего за несколько сот рублей он «купил» у башкир и татар сотни тысяч десятин земли, реальная стоимость которой составляла миллионы рублей [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 723. Л. 29 об.–31; 47. С. 59–60]. Это вызвало возмущение аборигенов, особенно башкир и калмыков, и поэтому в 1738 г. Акинфию пришлось разместить на своих заводах пушки, а правительство выделило на каждый из них по 60 солдат [64. Т, X. № 7662; Т. XI. № 8467].

[90] В его домах при заводах имелось свыше 170 портретов, 82 настенных зеркал, 30 часов, 4 барометра и 76 компасов.

ние Акинфия – с одной стороны тульского купца-промышленника и старовера, а с другой полувестернизированного дворянина – проявилось в выборе им свидетелей его завещания. Документ был составлен в Туле и 24 марта 1743 г. подписан Акинфием и 21 его приближенными [72. Ф. 11. Д. 95. Ч. 2. Л. 302–307][91], среди которых были тульские дворяне, городские заводчики, казенные оружейники и богатые купцы[92]. В этом документе уже не было имен простолюдинов.

Какое же значение деятельность Демидовых имела для модернизации России?[93]. Да, предприниматели часто выступают катализатором общественного прогресса и советские исследователи видят в этом процесс зарождения «буржуазии»[94], не учитывая, что у России был особый путь исторического развития. Демидовых логичнее считать капиталистами XVIII в. (так тогда называли промышленников), или, по Марксу, буржуа. Но если под последней понимать суровый нрав, скромный образ жизни, дисциплину, бережливость и жесткое управление, то, как показал Форстер, французское дворянство XVIII в. тоже можно считать буржуазией [112]. Поэтому для анализе ситуации в России следует сосредоточиться на маргинальных личностях, т. е. тех, кто оказался в неопределенном в культурном, этническом или социальном отношении положении и потому был готов к коренным переменам в своей жизни. Предприниматели как раз и были такими людьми [119. P. 62][95].

Будучи заводчиками-староверами, Никита и Акинфий находились на отшибе закоснелого помещичье-крестьянского русского общества и имели перед собой ясную цель, в то время как остальные действовали преимущественно по наитию. Вследствие своей маргинальности Демидовы обладали необычной для их времени социальной мобильностью и статусом, не основанным на аскрипции. Новым было и их рациональное отношение к работе, планирование своих действий.

И все же успеху Демидовых способствовала эксплуатация ими почти 11000 приписных мужиков, 5000 господских крестьян, направленных на завод, и почти 14000 крепостных, трудившихся на сезонных вспомогательных работах[96]. Как известно, при капитализме используется свободный труд, однако в России мануфактуры и технологические инновации не смогли привить его в силу сохранно-

---

[91] Опубликован без подписей в [78. Приложение. С. 90–98].

[92] Их имена и титулы см. в [34. С. 236].

[93] О понятии модернизации см. [120; 127; 90; 91; 99; 96; 122].

[94] Даже такие видные историки, как Н. И. Павленко и Б. Б. Кафенгауз не избежали этого упрощения: [50; 52. С. 519–534; 34. С. 181].

[95] См. также [126. P. 42; 118. P. 30; 107. P. 38; 122. P. 138–150].

[96] Эти данные относятся еще к единому имуществу (до 1758 г.).

сти обычаев, традиций, привычек и консервативности тогдашнего общества[97]. Попытки отнести генезис капитализма в России к XVIII в. и более раннему времени, как делают некоторые советские и западные историки, лишь запутывают понимание путей эволюции традиционного общества.

Хотя предприятия Демидовых были для своего времени передовыми, они работали по госзаказам, а не для внутреннего рынка. И все же по сравнению с предшествующим веком, когда вся «промышленность» ограничивалась соледобычей, это было некоторое движение к капитализму [14. С. 296–302].

Демидовы и другие промышленники не смогли изменить общество, так как для этого не было соответствующих условий[98]. В стране отутствовали буржуазия и разделение труда, но тогдашние малочисленные русские предприниматели все же способствовали экономическому развитию [123. P. 395–422][99]. Аграрный характер экономики препятствовал развитию внутреннего промышленного рынка, а привязанность крестьян к земле в сочетании с их натуральным хозяйством не позволяли им приобретать предметы потребления. В Западной же Европе наряду с бедными крестьянами были богатые горожане и богатые дворяне. Русское дворянство было беднее европейского, а в силу нехватки в России капитала возможности для успешного ведения бизнеса вне военного производства и экспортных поставок в XVIII в. были ограниченными.

Поэтому постепенное растворение Демидовых в русской знати было неизбежно. Из истории известно, что добившись успеха на экономическом поприще и в определенной мере нарушив социальный порядок, предприниматели стали стремиться обрести символы традиционного статуса [118]. Русская элита XVIII в. легко приняла Демидовых в свои ряды, но в следующем столетии, когда в Европе произойдет промышленная революция, уход русских предпринимателей из буржуазии отрицательно скажется на развитии страны.

---

[97] О влиянии консервативности общества на его динамику см. [128. P. 145–156, особенно p. 150–193].

[98] Один из лучших анализов взаимодействия идеологии и общества: [106].

[99] А. Кахан приводит список из 67 железопроизводителей в 1636–1730 гг., а согласно Н. И. Павленко [52] их общее количество превышало 400 человек.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КРАХ ИМПЕРИИ

ГЛАВА VI

МЕЖДУ ЗНАТЬЮ И БИЗНЕСОМ: НИКИТА АКИНФИЕВИЧ

Акинфий умер 18 августа 1745 г. на пути в Невьянск и за его огромное наследство сразу разгорелась борьба между сыновьями. Как мы знаем, незадолго до смерти он передал все заводы сыну Никите, за что остальные сыновья даже хотели убить отца.

Прокофий сразу же помчался в Петербург добиваться своей доли, Григорий втайне начал работу по изменению завещания, а официальный наследник Никита Акинфиевич, находившийся в то время в Москве, послал в столицу своего стряпчего [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 389–390]. Императрица Елизавета, опасаясь, что эта тяжба нанесет ущерб интересам государства, 30 сентября 1745 г. создала специальную комиссию по распоряжению наследством [72. Ф. 11. Д. 95. Ч. 2. Л. 230; Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 389].

Прокофий тем временем распустил слух, что Никита Акинфиевич и его мать являются раскольниками, однако доказать это не удалось [34. С. 236–237]. Тогда он стал забрасывать жалобами Сенат, а Никита Акинфиевич приказал своему приказчику Степану Трофимову узнавать их содержание [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 389]. В апреле 1748 г. Григорий обнародовал проект равного раздела имущества[100]. После одобрения остальными братьями его утвердила Елизавета[101], но на первых порах Демидовым было поручено управлять заводами сообща [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 8]. В 1753 г. Григорий предложил, чтобы у каждого из братьев были заводы с рудниками и крестьянами, а не все это по отдельности, и 1 мая 1758 г. единая демидовская империя распалась.

---

[100] Никита Акинфиевич попросил не учитывать при этом подаренные ему отцом несколько деревень [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 723].

[101] Эти документы об имуществе и его разделе имеются в [72. Ф. 11. Д. 95. Ч. 1–2].

Таблица 7. **Выпуск железа в России в 1750–1800 гг.** *(в тыс. пудов).*

Год	Демидов				Казна				Яковлев				Баташев				Другие частные лица				Всего	Всего
	Чугун	%	Железо	%	Чугун	%	Железо	%	Чугун	%	Железо	%	Чугун	%	Железо	%	Чугун	%	Железо	%	Чугун	Железо
1750	867	0,43	609	0,46	599	0,30	393	0,30	–	–	–	–	43	0,02	29	0,02	500	0,25	299	0,22	2009	1330
1760	1475	0,40	1058	0,47	100	0,03	45	0,02	–	–	–	–	192	0,05	110	0,05	1896	0,52	1058	0,47	3663	2271
1770	1622	0,32	1044	0,33	819	0,16	390	0,12	523*	0,10	320	0.10	393	0,08	309	0,10	1749	0,34	1142	0,36	5106	3205
1780	1822	0,27	1067	0,28	762	0,11	333	0,09	1118	0,17	721	0,19	600	0,09	402	0,11	2416	0,36	1238	0,33	6718	3761
1790	1839	0,23	1298	0,24	701	0,09	426	0,08	1153	0,15	810	0,15	859	0,11	580	0,11	3285	0,42	2274	0,42	7837	5388
1800	2068	0,21	1543	0,25	1140	0,12	568	0,09	1756	0,18	1123	0,18	913	0,07	410	0,07	3911	0,40	2510	0,41	9788	6154
В среднем**		0,28		0,30		0,12		0,10		0,13		0,13		0,08		0,08		0,39		0,39		

Составлено по [80. Табл. 40,41].

* В 1769 г. Савва Яковлев купил 6 заводов у Прокофия Акинфиевича Демидова.

** Средний процентный показатель был получен делением количества произведенной продукции в пудах на количество годового выпуска в целом.

Перепавшая Никите Акинфиевичу нижнетагильская часть бывшей империи состояла из 6 уральских железных заводов и пристани, 3664 приписных и 495 крепостных мужского пола, вотчины с 5441 крепостных мужиков – всего 9600 душ мужского пола не считая их жен и дочерей, 79 приказчиков и служителей, 8 домов (в том числе каменный дом в Петербурге, деревянные дома в Твери, Ярославле, Нижнем Новгороде, Казани, Тобольске, Таре и Екатеринбурге) и село Трехсвятское с тремя деревнями и 232 мужиками, подаренное еще отцом.

Прокофий получил Невьянский, Бынгорский, Шуралинский, Верхнетагильский, Шайтанский, Верхнечугунский, Нижнечугунский и Корельский заводы и пристань на Урале, 3659 приписных и 2071 крепостных душ мужского пола, вотчины с 3845 мужиками, всего 9575 мужчин, 79 приказчиков и служителей, каменный особняк в Москве и деревянные дома в Казани, Чебоксарах, Ярославле, Кунгуре и Тюмени[102].

Григорию достались Ревдинский, Уткинский, Рождественский, Тульский, Суксунский, Бымовский, Ашапский, Шаквинский, Тисовский (кожевенный) заводы, соляные промыслы и пристань, 3699 приписных и 2452 крепостных мужиков, 3464 душ мужского пола в вотчинах (всего 9585 душ мужского пола), 214 крепостных мужского пола, подаренных ему отцом, 80 приказчиков и служителей, каменные здания в Москве и Петербурге, деревянные дома в Серпухове, Твери, Ярославле, Костроме, Нижнем Новгороде, Казани, Кунгуре и Перми.

Отныне монополии Демидовых в уральской частной черной металлургии пришел конец: Акинфий выпускал более половины произведенного частниками железа, но в 1800 г. эта доля снизилась до 21 % (см. табл. 7). Лишь Никита Акинфиевич продолжил дело отца и деда.

Он родился 8 сентября 1724 г. на берегу реки Чусовой, когда его родители направлялись из Тулы в Сибирь, а старшие братья уже имели свои семьи. Акинфий очень любил этого сына и решил передать ему свое дело. Уже в декабре 1746 г. Никита Акинфиевич взял заводские дела в свои руки[103], а после раздела предприятий, в апре-

---

[102] В московском особняке Прокофия теперь располагается Президиум Академии наук СССР <ныне это старое здание Президиума Российской академии наук на Ленинском проспекте, 14. В 2011 г. в нем размещались службы Президиума и Управления делами РАН, другие научные учреждения, часть дома принадлежит Нескучному саду Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького>.

[103] См. его переписку с приказчиками: [72. Ф. 11. Д. 95. Ч. 1. Л. 91–97]. Даже после окончательного раздела наследства он продолжал вести бизнес братьев. Когда осенью 1763 г. им было поручено поставить кровельное желе-

ле 1758 г. попросил у Берг-коллегии разрешения построить передельный завод на реке Шулемке. Но в XVIII в. в России без поддержки сверху все усилия были бесполезны[104], а Никита Акинфиевич не обладал влиянием своего отца.

Тем не менее он построил Нижне-Салдинский (1760 г.), Висимо-Уткинский (1771 г.), еще через семь лет – Верхне-Салдинский [52. С. 92–93] заводы, прикупил Каслинский, Нязе-Петровский и Авзяно-Петровский на Южном Урале [130. Р. 150] и в итоге его предприятия стали выпускать чугуна и железа больше, чем при Акинфии (см. табл. 7).

Он внимательно следил за строительством Нижне-Салдинского завода [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 10] и даже переехал из Москвы в Екатеринбург, поближе к своим предприятиям. Хотя Никита Акинфиевич старался вникать во всё [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 12, 283][105], большинство дел вел его стряпчий и приказчик Степан Трофимов[106], регулярно отчитывавшийся перед хозяином[107].

Никита Акинфиевич внимательно следил за европейским рынком железа, скрывал время прихода своих железных караванов в Кронштадт, чтобы конкуренты не сбили цену на продукцию [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 15], и держал под контролем ценовую политику [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 459]. Особое внимание он уделял экспорту (см. табл. 8), следя за его качеством [34. С. 304].

Он лично назначал наказания для провинившихся, составлял правила поведения работников и т. д. Виновных заковывали в цепи, сажали в карцер, подвергали жестоким расправам, приказчиков на три года лишали зарплаты или вообще увольняли [72. Ф. 1267. Оп. 1.

зо для церквей и зданий Воскресенского Новодевичьего монастыря, этим занялся Никита Акинфиевич [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 396]).

[104] Баронесса Строганова известила Берг-коллегию, что на указанном месте расположена ее летняя резиденция и Никите Акинфиевичу пришлось возводить завод на р. Салда [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 10].

[105] Однако Б. Б. Кафенгауз и Н. И. Павленко стараются представить его как заводчика, якобы не занимавшегося производством и доверившегося своим приказчикам [34. С. 273; 51. С. 148].

[106] 19 января 1761 г. Демидов писал Трофимову о попытке некоего Шишкина провести махинацию с долговым обязательством. Никита Акинфиевич приказал своим людям или получить залоговое право на имущество Шишкина или пожаловаться в Главный магистрат в Москве. Он также поручил Трофимову следить, чтобы его леса не захватил граф Петр Иванович Шувалов [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 389].

[107] В 1761 г. Никита Акинфиевич интересовался разделом лесов между братьями и 27 сентября гневно упрекал Трофимова, что тот не информировал его об этом [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 389, 396].

Ед. хр. 542][108]. Однако в отличие от отца его интересы в государственных учреждениях отстаивал специальный человек [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 389].

Таблица 8. **Производство железа Никитой Акинфиевичем Демидовым в отдельные годы** *(в тыс. пудов)*

Год	Всего	Казна	%	Внутренний рынок	%	Экспорт	%	% от общего экспорта
1745	323,5	21,4	0,07	82,2	0,25	219,9	0,68	0,67
1746	280,4	16,2	0,06	145,7	0,52	118,5	0,42	0,37
1747	342,0	67,6	0,20	115,4	0,34	159,0	0,47	0,48
1748–1750[109]	378,9	17,9	0,05	122,8	0,33	238,2	0,63	0,24
1758[110]	132,9	16,4	0,12	65,2	0,49	51,3	0,39	0,08
1762[111]	116,0	0	0,00	26,0	0,22	90,0	0,78	0,08
1763	214,4	5,7	0,03	117,4	0,55	91,3	0,43	0,08
1764	176,0	17,1	0,10	109,3	0,62	49,6	0,28	0,03
1765	200,7	6,3	0,03	73,0	0,36	121,4	0,61	0,05
1771	283,6	36,9	0,13	36,7	0,13	210,0	0,74	0,07
1773	340,0	52,3	0,15	59,1	0,17	228,6	0,67	0,08
1787	325,6	50,0[112]	0,15	106,0	0,33	169,6	0,52	0,09
В среднем			0,10		0,34		0,56	0,11

Составлено по [34. С. 210, 399–400, 405, 412–413, 418–420, 430, 436, 438, 446–448, 456–459; 80. Табл. 51, 52].

К середине XVIII столетия производственный процесс настолько усложнился, что управлять им лично стало уже невозможно и Демидовы стали постепенно отходить от непосредственного управления делами.

Если Акинфий отправлял продукцию в Петербург на собственных баржах, ведомых его крестьянами, то Никита Акинфиевич по-

---

[108] Так, приказчика Ипата Канонова сослали на Нижнетагильский завод вместе с семьей за распутный образ жизни и высокомерие [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 283. Л. 49].

[109] В среднем за 3 года.

[110] Показатели заводов Никиты Акинфиевича после раздела наследства отца.

[111] Рассчитано по числу барж и средней массе груза.

[112] Средний показатель в 1780-е гг.

ручал это приказчику [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 278]. Даже сделки между членами семьи теперь оформлялись письменно[113]. К 1770 г. все бумаги Никиты Демидова обрабатывались его московской конторой [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 253]. Тем не менее он не устранился от дел даже путешествуя по Европе с марта 1771 по ноябрь 1773 г.: Н. А. Демидов переписывался с приказчиками и составил для нового главного садовника 30-страничный каталог деревьев и растений своего подмосковного имения [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 276]. Никита Акинфиевич строго контролировал подчиненных[114] и ввел среди них систему шпионажа и слежки[115].

Все это повысило эффективность управления. Занимавшаяся весьма прибыльными экспортными поставками, петербургская контора регулировала цену экспортного железа путем монополизации рынка[116]. В 1770-е гг. в ней хранились подробные отчеты о всем хозяйстве Никиты Акинфиевича [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 283]. Введенная им подробная финансовая отчетность была новшеством для тогдашней России. Чтобы распоряжения московской конторы не затерялись в пути, они дублировались в нижнетагильскую и петербургскую главную конторы.

Петербургская контора ежедневно контролировала движение средств и продажи железа, регулярно посылая отчеты в Москву Никите Акинфиевичу [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 542]. Н. А. Демидов даже вел учет съеденного у него дома сахара и шоколада. С февраля 1782 г. в специальный «Журнал» записывались все приказы и распоряжения хозяина и контор, при этом распоряжения одного из его главных приказчиков подписывались остальными главными приказчиками [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 283. Л. 104–105][117].

---

[113] См., например, сделку между Никитой Акинфиевичем и его кузиной Акулиной Григорьевной Даниловой [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 22].

[114] 31 августа 1775 г. он грозился уволить главных приказчиков и отправить их навечно на заводы, если обнаружится недостача [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 459. Л. 112 – 112 об.].

[115] Создав систему ежедневной бухгалтерской отчетности, он установил персональную ответственность каждого приказчика. Так, за сохранность денег отвечали два приказчика: у Зубрилова были ключи от сундука, а у Евсевьева – печать от него. При этом ни один из них не имел права самостоятельного допуска к деньгам [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 542].

[116] См. об этом письмо от 12 июня 1761 г. [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 390].

[117] Среди прогрессивных инициатив Никиты Акинфиевича как помещика необходимо отметить широкое внедрение в его вотчинах разведения крупного рогатого скота и постройку зернохранилища для крестьян. Последнее было реализацией рекомендаций Вольного экономического общества, в котором он состоял, по борьбе с голодом. Однако будучи консервативными, крепостные посчитали зернохранилище очередным тяглом и отказались сдавать в него зерно. См.: [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 283. Л. 135–136].

И все же Никита Акинфиевич больше доверял родственникам. Его шурин Иван Евтихович Сафонов был одним из главных приказчиков; приказчик Василий Зубрилов вел бизнес сына Прокофия – Акакия, а петербургская главная контора занималась делами невестки и наперсницы Никиты Акинфиевича, Марфы Евтиховны Сафоновой [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 70, Л. 9, 10, 12, 29, 30, 31, 40, 72, 99; Ед. хр. 459. Л. 128; Ед. хр. 472. Л. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 13, 15–16, 18, 20, 22–23; Ед. хр. 524. Л. 2, 7, 12, 19, 23, 24][118]. Сам Демидов вступил в партнерство со своими племянниками Петром и Александром Григорьевичами, объединив персонал при сохранении права их отца на собственность[119].

Никита Акинфиевич отказался отменить у себя крепостное право и приписку, заявив, что большинство его крепостных довольны своей жизнью [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 34–35]. Поэтому его заводы не стали капиталистическими предприятиями, а нежелание внедрять новую английскую технологию коксования привело в итоге к падению производительности.

Со временем Никита Акинфиевич перешел от повседневного контроля к стратегическому управлению, для чего попросил Александра и Петра Григорьевичей жить в Петербурге и подкупать сенаторов [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 70]. Взяточничество – неотъемлемая часть жизни тогдашней России – было одним из условий существования бизнеса. Александр и Петр Григорьевичи щедро «подкармливали» Берг-коллегию и Сенат, чтобы получать выгодные заказы[120] и избежать проверок. Они даже пытались подобраться к президенту Берг-коллегии[121]. Только за 1774–1784 гг. Никита Акинфиевич истратил на подкуп одних только крупных чиновников свыше 14000 руб. [34. С. 285]

Однако нельзя забывать, что в 1750-е гг. частным промышленникам оказывалась поддержка. Под влиянием Шуваловых и Воронцовых государство передало промышленность дворянам [130. P. 149]

---

[118] Никита Акинфиевич был самым старшим из партнеров в семейном бизнесе и являлся опекуном детей своих братьев и двух компаньонов-племянников. Его переписку с племянниками и племянницами см.: [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 60; Ед. хр. 70. Л. 18, 62–64, 70–71, 162, 178, 190].

[119] Их брат Павел продал свою долю вскоре после возвращения из длительного турне по Европе. См. гл. 8 настоящей книги.

[120] Средний размер взятки рядовым чиновникам составлял 25–50 руб., а обер-секретарям – от 100 до 1000 руб. [34. С. 284–285]

[121] В письме от 14 мая 1781 г. они сообщали своему дяде, что новый президент Берг-коллегии Иван Гаврилович Резанов на их стороне и хочет купить одно сельцо, но ему не хватает каких-то 3000 руб. В связи с этим они рекомендовали дяде дать ему половину этой суммы в кредит, который Резанов обещал погасить за год. В крайнем случае этот долг можно будет ему «подарить» [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 80].

и в 1754–1759 гг. почти все казенные железные заводы оказались в руках частных лиц, из которых лишь один не был вельможей[122]. В итоге выпуск казенного чугуна упал с 42 % в 1750 г. до почти 3 % в 1760 г. (см. табл. 7). Кроме того, новоявленные промышленники, не разбиравшиеся в производстве, для быстрого получения прибыли стали дешево распродавать заводские земли, что было на руку Демидову.

Являясь надежным поставщиком казны, Никита Акинфиевич сохранял прочные позиции, однако в отличие от отца и деда утратил прямую связь с монархом [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 389][123]. Если царь Петр, особенно до создания Сената, пытался вникать во все сам, то позднее этим занялись правительственные институты. Горные дела были особенно сильно забюрократизированы и лучше организованы, поэтому последующим Демидовым приходилось чаще иметь дело не с монархом, а с правительственными органами, для чего пришлось помириться с местными властями. Короче говоря, реорганизация государства породила реорганизацию хозяйства Демидовых.

Однако они не прекратили отношений с двором: будущий Петр III неоднократно брал кредиты у Никиты Акинфиевича и даже наградил его орденом Св. Анны[124], Екатерина II присвоила ему чин статского советника, сделала почетным членом Петербургской академии искусств и Вольного экономического общества и кавалером ордена Св. Станислава [1. Ф. 49. Оп. 1. Ед. хр. 4, 5][125]. В 1779 г. она освободила его от обязательства продавать казне железо по убыточным к тому времени ценам, разрешив экспортировать его за границу [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 373][126].

И все же в результате утраты царского покровительства возникла угроза сырьевым ресурсам Никиты Акинфиевича[127]. Изменились

---

[122] Это был богатый солепромышленник А. Ф. Турчанинов [87. С. 567].

[123] Благодаря своему влиянию Никита Акинфиевич весной 1765 г. смог заставить Бирона начать выплачивать кредит, выданный Акинфием [34. С. 268].

[124] Петр III просил не носить эту награду при жизни Елизаветы, а вступив на престол и поссорившись с Никитой Акинфиевичем, отнял ее [5. Т. II. С. 193–194]. Этот орден ему вернул в 1775 г. будущий Павел I [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 2].

[125] Согласно [1. Ф. 49. Оп. 1. Ед. хр. 4], чин статского советника был присвоен ему 11 июля 1763 г. Д. Н. Бантыш-Каменский [5. Т. II. С. 194] приводит ошибочную дату 27 июля 1762 г., повторенную в [26. С. 46].

[126] О снижении объемов государственных заказов у Демидовых см. [34. С. 424–425]. К 1750 г. госзаказ составлял только около 10 % выпущенной продукции.

[127] В 1775 г. Никиту Акинфиевича очень беспокоило строительство Саввой Яковлевым завода вблизи его лесов у села Покровское. Никита Акин-

отношения семьи и с местными властями: Никита Акинфиевич старался выполнять их требования[128] и не мог даже защитить от них своих людей[129].

К тому же если Акинфий поддерживал с купцами-промышленниками тесные связи, то его сын имел с ними исключительно деловые контакты[130]. Среди его покровителей были генерал-фельдмаршал, сенатор, глава артиллерийского ведомства, приближенный Елизаветы граф П. И. Шувалов; обер-прокурор Сената, фаворит Елизаветы, а позднее сенатор, президент Коммерц-коллегии и вице-президент Адмиралтейств-коллегии при Екатерине II граф И. Г. Чернышев; брат фаворита Елизаветы М. Л. Воронцова генерал Р. Л. Воронцов; князь М. И. Шешковский[131].

Затем в круг его друзей вошли князья Н. И. Панин, А. Б. Куракин, Г. П. Гагарин и А. А. Вяземский, графы Н. И. Салтыков, Н. П. Шереметьев, А. С. Строганов, тайный советник Я. И. Булгаков, генерал-фельдмаршал Н. В. Репнин, действительный тайный советник И. И. Шувалов, тайный советник М. Ф. Соймонов [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 26–27, 51–53, 148, 189; ед. хр. 280; ед. хр. 459], знаменитый петербургский хирург и ботаник Г. Ф. Соболевский, князь Р. С. Черников, князь С. С. Гагарин и посвятивший Демидову один их выпусков своего сатирического журнала Н. И. Новиков [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 390, 459, 472]. Никита Акинфиевич также переписывался с Сэмюэлем Бентамом, братом Джереми, который побывал на его заводах в сентябре 1781 г. и высоко оценил их порядок и процветание [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 136–137, 160–161][132].

В отличие от Акинфия Никита Акинфиевич очень беспокоился о своем месте в Табели о рангах: в письме к Ивану Ивановичу Шувалову он просил уравнять его с братом, Прокофием, ставшим действительным статским советником [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 26–27]. Как далеко он ушел в этом от деда! Никита Демидович воспри-

---

фиевич пожаловался прокурору Сената, но даже обещание крупной взятки не дало желаемого результата [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 459. Л. 29–32].

[128] Например, он представил подробный отчет о количестве мастеровых и крестьян на своих сибирских заводах и сумме подушной подати, уплаченной Главным комиссариатом властям Сибири [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 156].

[129] В письме от 26 июля 1761 г. он поручил своему приказчику Трофимову передать лично в руки обер-прокурору Сената жалобу на полицию и одновременно пожаловался генерал-полицмейстеру С.-Петербурга Н. А. Корфу и бригадиру М. П. Воекову [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 389].

[130] Переписка Никиты Акинфиевича свидетельствует, что у него были только деловые отношения с представителями других слоев общества.

[131] Переписка с ними, связанная в первую очередь с разделом наследства: [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 389].

[132] Заметим, что Бентама нисколько не смутило то, что на заводах использовался крепостной труд.

нимал себя в первую очередь промышленником, а Никита Акинфиевич – дворянином-заводчиком.

Хотя Никите Акинфиевичу так и не удалось уравняться с Прокофием, он выдал своих дочерей замуж за влиятельных персон: Екатерина стала женой генерала от инфантерии С. Л. Львова, входившего в окружение Потемкина, а Мария – супругой главного распорядителя двора Павла I Д. Н. Дурново и получила орден Св. Екатерины. Единственный сын Никиты Акинфиевича Николай, будущий российский посланник во Флоренции, женился на баронессе Елизавете Строгановой, объединив состояния этих крупных династий [26. С. 7; 78. С. 41–43].

С весны 1771 г. по осень 1773 г. Никита Акинфиевич путешествовал по Европе и оставил об этом свои записки [25]. Отправиться туда его заставила болезнь третьей жены, Александры Евтиховны Сафоновой. По совету врача они отбыли на минеральные воды в Спа, и задержались на более чем два с половиной года в Германии, Франции, Швейцарии, Голландии, Англии и Италии.

Находясь за границей, Никита Акинфиевич проявлял интерес к тамошней металлургии и восторгался техническими достижениями Англии [25. С. 154–155], но его уже больше интересовала торговля [25. С. 44], поэтому его заметки о европейской индустрии отличаются предельной краткостью [25. С. 154–155, 161].

Никита Акинфиевич увидел достопримечательности Европы – многочисленные дворцы, музеи, зоологические и ботанические парки, античные развалины, а также пообщался с русскими и европейскими вельможами (особенно с английским королем Георгом III, на которого Александра Евтиховна произвела хорошее впечатление, и римским папой Клементом XIV) и встретился с Вольтером [25. С. 8–14, 32–35, 46–48, 68–71, 107, 146–152]. Супруги Демидовы путешествовали в кампании графов Н. И. Салтыкова, Н. П. Шереметьева, А. С. и А. Н. Строгановых, А. И. Мусина-Пушкина, князей А. Б. Куракина, Г. П. и С. С. Гагариных. Завсегдатаем Демидовых был И. И. Шувалов. Граф А. Г. Орлов и его супруга были крестными Николая Никитича Демидова, родившегося незадолго до возвращения его родителей на родину [25. С. 163–164].

В европейских магазинах Никита Акинфиевич скупал польский янтарь, французские, немецкие и английские фарфор и драгоценности, швейцарские золотые часы, итальянские статуи и картины и многое другое. Торговцы уже с раннего утра занимали очередь у его двери [25. С. 23–39]. И хотя Демидов продолжал вести переписку со своими московскими приказчиками, со страниц своих записок о путешествии он предстает в образе богатого, праздного аристократа, но не любопытного человека.

Никита Акинфиевич подчеркивал свою принадлежность к знати не только связями, но и такими чисто помещичьими забава-

ми, как ботаника, естествознание и меценатство. Поскольку тогдашние дворяне презирали занятия производством, купцы и промышленники стали уходить из него[133]. И хотя Никита Акинфиевич не расстался с металлургией, он всячески демонстрировал свою принадлежность к благородной элите; полностью порвало с заводами уже следующее поколение Демидовых. По просьбам своих сотрудников Никита Акинфиевич закупал на Западе шампанское, бургундское вино, каперсы, спаржу, апельсины, голландскую сельдь, устриц и многое другое [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 27, 390, 459, 472]. У него были люди в Москве, Петербурге, Лондоне, Париже и Риме, которые приобретали ему картины, статуи, редких птиц и мебель [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 459, Л. 48–50, 141, 167].

Никита Акинфиевич старался быть в курсе всех столичных развлечений. Его слуга Сергей Евренов регулярно информировал своего господина о балах и маскарадах в Петербурге, особенно у Строгановых, которым Демидов старался подражать[134]. От образа ведущего трезвый образ жизни и набожного заводчика почти ничего не осталось.

Никита Акинфиевич пристрастился к французским манерам и моде. Для своих дочерей он нанял опытную французскую гувернантку, которая обучала Екатерину и Марию европейским языкам, правилам светского общества, и беспокоился, что «наша Кати», которой исполнилось девять лет, пока не учится [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 22, 79]. Подражая знати, Никита Акинфиевич стал подписываться «Никита де Мидов».

Его петербургский дом в 1774 г. обслуживали 46 слуг, на которых уходило 3794 руб. в год [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 451], а на содержание особняка – 26880 руб.

Никита Акинфиевич очень любил читать, получал свежий номер «Санкт-Петербургских ведомостей» прямо из типографии и выписывал книги на европейских языках. Это были исследования по естественным и гуманитарным наукам (особенно о строении материи, по анатомии, химии, физике и философии, ботанике), по всемирной истории и истории России, архитектуре, описания путешествий, географические атласы, рассказы о городах, труды Вольного экономического общества, сочинения Ломоносова, Дидро, Вольтера

---

[133] О месте русского дворянства в экономике и его влиянии на недавно ставших дворянами купцов и промышленников см. [124].

[134] Однажды в своем доме в Санкт-Петербурге Никита Акинфиевич в первый день организовал бал и ужин, на следующий – маскарад, в остальные дни недели – комедийные оперы и малые маскарады [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 5].

и Монтескье [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 390, 395, 440, 459][135]. Он покупал редкие растения и семена со всего мира, переписывался с главным садовником короля обеих Сицилий и с Сэмюэлем Бентамом.

Если Акинфий считал, что учеба не нужна и даже вредна для низших сословий, то его сын Никита обязывал детей своих московских приказчиков учиться, поощряя это дополнительными платой и питанием [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 283. Л. 84]. Никита Акинфиевич в 1740 г. выделил Московскому университету примерно 5500 листов кровельного железа, а через два года – еще 800 пудов железа для стен [26. С. 37]. Он также поддерживал Московский воспитательный дом, построенный Иваном Ивановичем Бецким и Прокофием [26. С. 34], и учредил Демидовскую медаль и премию за успехи в механике [26. С. 36–37].

Никита Акинфиевич проводил гибкую ценовую политику. Если Акинфий нажился на государственных заказах, то Никита Акинфиевич стремился завоевать более прибыльный внешний рынок и стал не только успешным бизнесменом, но и вошел в число знатнейших предпринимателей Европы.

Различия между Никитой Акинфиевичем и его дедом Никитой Демидовичем отразились даже в надписях на их надгробных плитах. Как мы уже знаем, Никита Демидович назван в ней мастеровым и заводским комиссаром, о его дворянстве не упоминалось вообще, а на могиле Никиты Акинфиевича было сказано, что здесь лежит статский советник, почетный член Императорского Вольного экономического общества и кавалер польского ордена Св. Станислава [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 761]. О его деятельности в качестве заводчика ничего не говорилось.

ГЛАВА VII

ПРОКОФИЙ ДЕМИДОВ – ЧУДАК И ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Своей эксцентричностью Прокофий Акинфиевич демонстрировал, что в русском обществе XVIII в. всеми правами обладал только дворянин; других альтернатив не было[136]. В какой-то момент он сбился с пути, не захотел стать вельможей и всю жизнь пытался найти свое

[135] Утверждение Б. Б. Кафенгауза [34. С. 269], что Демидову присылали все книги подряд, не подтверждается архивными источниками.

[136] См., например, [23; 88]. С этим согласен и Р. Порталь [130. P. 158].

место в жизни. Оказавшись волею судьбы в социальном одиночестве, Прокофий, с одной стороны, стал дурачиться, показывая свое отношение к социальной элите, а с другой, учредив совместно с Иваном Бецким коммерческое училище и Воспитательный дом, попытался помочь слабому и униженному русскому купечеству. Оценивать своеобразное поведение Прокофия привычными мерками нельзя.

Большим ударом для Прокофия стала лишение его наследства, полагавшегося ему как старшему сыну. Когда ему было 18 лет, у него умерла мать. Вскоре отец женился вновь и у него родился сын, названный в честь основателя династии. У Прокофия никогда не было хороших отношений с мачехой и сводным братом [10. С. 411] и Акинфию даже пришлось попросить барона Черкасова заставить Прокофия уехать из Петербурга на Урал [72. Ф. 11. Д. 95. Ч. 1. Л. 286].

Лишенный наследства, Прокофий занялся обработкой сенаторов, чтобы изменить завещание Акинфия [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 6, 24]. Надеясь вскоре заполучить заводы, он даже начал реконструкцию полагающихся ему предприятий.

Отныне дважды в месяц Невьянская заводская контора отправляла ему свой отчет [34. С. 322][137]. Чтобы пресечь посягательства сводного брата на его сырье, Прокофий попросил баронессу Строганову запретить Никите Акинфиевичу строительство завода на реке Салда, располагавшегося слишком близко от Невьянска [52. С. 93], а спустя три года обвинил Никиту в вырубке невьянских лесов [65. С. 132]. В 1762 г. Прокофий начал строительство Верхненейвинского завода [19. Гл. 2. С. 238] и в тот период вел себя, как промышленник[138].

Но почему же тогда в 1769 г. он продал Савве Яковлеву свои уральские предприятия? [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 716][139] Дело в том, что получив наследство, Прокофий отправился путешествовать по Европе, где прославился своим мотовством [23]. Однако европейские аристократы увидели в Демидове всего лишь русского дикаря. Английские торговцы, желая заработать на Прокофии, заломили цены на товары, которые ему приглянулись. Вернувшись на родину, он оптом скупил в Петербурге пеньку и назначил свою заоблачную

---

[137] Однако, несмотря на настойчивые усилия, найти эти отчеты нам не удалось.

[138] Поскольку к 1763 г. Прокофий еще не бывал на Урале, Н. И. Павленко полагает, что тот был равнодушен к заводам [52. С. 88, 521], но это вряд ли является основанием подозревать Прокофия в отсутствии интереса к своему хозяйству.

[139] Через три года Прокофий продал три остававшихся у него в Поволжье молотовых завода Лариону Ивановичу Лугинину, поскольку они перерабатывали уральский чугун и после продажи уральских предприятий Яковлеву остались без сырья [52. С. 89].

цену. Англичане, нуждавшиеся в этом товаре, вернулись в Лондон, чтобы дождаться, когда Прокофий успокоится, однако приехав в Петербург снова, обнаружили, что Прокофий уже все распродал. Три раза они возвращались домой ни с чем, пока Прокофий, наконец, не смилостивился. Находясь в Дрездене и возмутившись тамошними ценами, он скупил все доступные продукты и раздал их городским беднякам [20. С. 97–98; 73. С. 368–370; 5. Т. II. С. 205–206][140].

Когда его сыновья, вернувшись после учебы в Гамбурге на родину, предпочли чаще пользоваться в общении немецким и французским языками [47. С. 79], он прекратил их содержать. Тогда Екатерина II приказала ему отдавать им часть прибыли от эксплуатации заводов. Разгневавшись, Демидов продал заводы [40. С. 422], а чтобы дети могли существовать, он отдал им несколько сел [1. Ф. 49. Ед. хр. 1. Л. 13 об.]. Так сыновья потеряли отца, а Россия – предпринимателя.

Наследство, полученное Прокофием, сделало его одним из богатейших людей России; правительство и отдельные лица в силу отсутствия в стране банковской системы вынуждены были обращаться к нему за кредитами. Интерьеры особняков Прокофия украшали позолота, серебро, драгоценные камни, камчатная ткань, бархат, уникальная мебель и произведения искусства [88. 327–328; 12. Т. III. С. 715–716, 863]. Демидов владел огромным особняком в Петербурге около Академии наук и будущего месторасположения университета, мог свободно разъезжать по Европе, где его расходы и чудачества поражали даже видавшую виды немецкую, голландскую и английскую знать [23. С. 1003–1006; 20. С. 97].

Кем себя ощущал Прокофий, сказать трудно. Он принадлежал к столичному обществу и даже водил знакомство с Екатериной II, присвоившей ему чин действительного статского советника за открытие Воспитательного дома. В 1774 г. Екатерина прекратила следствие в связи с избиением Прокофием секретаря Юстиц-коллегии [20. С. 35; 5. Т. II. С. 209; 48. С. 119–121; 23. С. 1016–1021] и брала у него ссуду на ведение первой русско-турецкой войны [74. 1872. № 10. С. 131–132].

О влиянии Демидова говорит тот факт, что его сделку по продаже заводов Яковлеву удостоверили свыше тридцати столичных вельмож [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 716]. Он общался с самим Потемкиным[141], его, приятелями были Черкасов, И. И. Шувалов, граф П. Б. Шереметьев и граф А. Г. Орлов [74. 1873. № 11, кн. 2. С. 2256–2287; 72. Ф. 11. Д. 95. Ч. 1. Л. 289; 62], драматург А. П. Сумароков,

---

[140] Об остальных его выходках в этой поездке см. [88; 23; 20. С. 97–105].

[141] Например, в феврале 1779 г. Потемкин интересовался у Прокофия, какое вино и фруктовую воду ему прислать [74. 1873. № 11, кн. 2. С. 2248].

автор работ по экономике и издатель «Духовной» В. Н. Татищева С. В. Друковцов, архитектор и будущий вице-президент Академии искусств В. И. Баженов, известный масон Иоганн Георг Шварц [74. 1871. № 9. С. 1709–1711; 1874. № 12, кн. 2. С. 550–554]. Деньги открыли Прокопию все двери русского общества.

Но родниться с элитой Прокофий не хотел. Его первой женой была дочь тульского купца Матрена Антиповна Постухова [26. С. 4]. После ее смерти он жил со своей горничной Татьяной Васильевной Семеновой, которая была младше его на 36 лет, и в 1784 г., незадолго до смерти, оформил с ней брак [23. С. 1020; 74. 1873. № 11, кн. 2. С. 2283–2284]. Прокофий пытался обручить своих дочерей с купцами-промышленниками [47. С. 79]. Ему удалось сделать это со старшей дочерью Анной, ставшей женой московского торговца Данилы Ивановича Земского [74. 1874. № 12. С. 553].

Легенда гласит, что его средняя дочь Анастасия мечтала выйти замуж только за дворянина. Тогда Прокофий прикрепил к воротам своего дома вывеску: «У меня есть дочь-дворянка и не желает ли кто из дворян на ней жениться?» Случайно проходивший мимо чиновник Станиславский, прочитав это объявление, явился к Прокофию Акинфиевичу и сразу же был обвенчан с незнакомой ему девушкой [47. С. 79][142]. Другая дочь, Мария, вышла замуж за дворянина Щепочкина, а любимица Прокофия Настасья создала семью с Марком Ивановичем Хозиковым, секретарем Бецкого – друга Демидова [26. С. 5][143].

Прокофий презирал дворянство[144] и демонстрировал это весьма экстравагантными способами. Так, протестуя против французской моды носить без надобности очки, он надел их на всех своих слуг, лошадей и собак. Он наряжал своих слуг в башмаки разных размеров, штаны и рубахи, сшитые напополам из дорогих и дешевых тканей, сажал высоких ростом слуг на карликовых лошадей, а низкорослых – на больших животных, и возил их по городу [5. Т. II. С. 207–208]. Прокофий распространял ядовитые сатиры на придворных и даже саму императрицу Елизавету, приказавшую в итоге сжечь их перед его домом. В ответ он щедро отблагодарил свидетелей этого события [20. С. 103].

Однако оружием Прокофия в борьбе с дворянством была не литература, а деньги. Поскольку в России не было банков, государству и вельможам приходилось брать кредиты у частных лиц, и П. Демидов при этом не упускал возможности покуролесить. Так, прибыв-

---

[142] Как бы то ни было, они действительно поженились.

[143] См. переписку между Прокофием и Хозиковым: [74. 1873. № 11, кн. 2. С. 2242–2284].

[144] В письме Ивану Бецкому при обсуждении проблем России: [74. 1873. № 11, кн. 2. С. 2272–2273].

шему по поручению Екатерины II Федору Григорьевичу Орлову Прокофий выдал деньги при условии, что если он не возвратит их вовремя, то получит три пощечины. Княгине Анне Александровне Голицыной Демидов пообещал денег столько, сколько она сможет унести, но выдал их мелкой медной монетой. Графине Екатерине Румянцевой он ссудил 5000 руб., взяв с нее расписку на случай несвоевременного их возврата, в которой она признавала себя распутницей. Разумеется, она не заплатила в срок, и Прокофий на придворном балу зачитал ее собственноручное признание. На следующий день Екатерина II сама внесла долг за графиню. Во Франции Прокофий мог бы бороться за права среднего класса, но в России ему ничего не оставалось делать, как выражать свой протест дурачеством.

Кем же считал себя Прокофий? Вероятно, он был, подобно своему другу Бецкому, сторонником купечества. Бецкой хотел создать в России прослойку квалифицированных ремесленников и образованных торговцев [27. С. II–III; 98; 97. Ч. III. Гл. 1, 13; 117]. Купцы, будучи малочисленными, забитыми и экономически безграмотными, недалеко ушли от крестьянства. Бецкой планировал открыть Воспитательный дом для незаконнорожденных и подкидышей, в чем получил одобрение и поддержку Екатерины. Он полагал, что выпускники Воспитательного дома, изучив ремесла на фабриках и мастерских, построенных этим учреждением, воспитают себе подобных. Соглашаясь с Бецким, Прокофий поддержал его проекты.

Первое упоминание Прокофия в связи с Воспитательным домом относится к 1762 г., за год до его открытия. Через шесть лет он разрешил опекунскому совету дома направлять из долга князя Оболенского (20000 руб.) на нужды учреждения 18 % этой суммы и передал свою коллекцию старинных золотых и серебряных монет, а на следующий год выделил 9000 руб., которые затем дал в долг князю Михаилу Волконскому под проценты[145]. Эти крупные вложения свидетельствуют о серьезности намерений компаньонов реформировать русское общество.

Вернувшись из поездки за границу в 1771 г., Прокофий решил поддержать строительство Воспитательного дома и выделил 100000 руб. и вексель на почти 75000 руб. 2 сентября 1771 г. он дал 20000 руб. на открытие Родильного госпиталя в Петербурге. По-

---

[145] В этой благотворительности приняли участие и родственники Прокофия: Никита и Алексей Никитич дали по 1000 руб. каждый; Никита Акинфиевич пожертвовал 2000 листов аршинного кровельного железа и 1000 руб., Александр, Павел и Петр Григорьевич предоставили 3000 пудов железа [27. Гл. 3. С. 50; 40. С. 430].

обещав и впредь оказывать Воспитательному дому поддержку[146], он в 1772 г. подарил ему свой знаменитый особняк в Москве, оцениваемый в более чем 80000 руб.[147]

5 марта 1772 г. он сообщил Бецкому о выделении 205000 руб. на создание коммерческого училища для детей купцов и стипендии для 100 учеников. Прокофий полагал, что коммерческие знания (в тогдашнем широком значении этого термина) определяют мощь страны и позволят России стать могучей державой. Русское купеческое сословие, считал Прокофий, было худо, бедно, глупо, беззащитно, между купцами царили неправды, дурости, разорение, тяжбы, хлопоты, «а особливо к мошенникам потачка». Поэтому, полагал Прокофий, европейцы воспринимали Россию как очередную «Ост-Индию» и относились к русским как к дуракам, и если Россия не откажется от французского щегольства, то она погибнет [40. С. 402]. В отличие от наивного Бецкого, размышления Прокофия о положении России отличались трезвой логикой, характерной для его отца и деда.

Бецкой отвечал Демидову, что размышлял об этом, но у него не было денег для реализации этого [72. Ф. 11. Д. 95. Ч. 2. Л. 395–395 об.]. Он предполагал учить детей предметам, необходимым всякому образованному человеку, и предложил пятивозрастную систему образования, каждая ступень которой символизировала следующий уровень нравственного развития [40. С. 400–401][148]. В первом возрасте (классе) ученики изучали бы чтение и письмо на русском и иностранных языках, арифметику, живопись, танцы и религиозную философию. Во втором возрасте продолжили бы учить арифметику и приступили к геометрии, истории, географии, славянским языкам и музыке согласно своим наклонностям. Они также обучались бы основам морали, этикета, долга и приличий. Эти предметы должны

---

[146] Для этого Прокофий хотел учредить Ссудную казну для поддержки торговли [27. Гл. 3. С. 69–70; 40. С. 424]. Однако в 1773 г. он заявил, что разочаровался в Воспитательном доме и прекращает его финансирование [72. Ф. 11. Д. 95. Ч. 2. Л. 397]. В 1782 г. он вручил опекунскому совету вексель на 37000 руб., а уже через четыре года отказался дать деньги, что привело к судебному разбирательству, завершившемуся уже после смерти Демидова [27. Гл. 3. С. 74–75; 52. С. 199].

[147] К благотворительной деятельности Прокофия подвигли Бецкой, княгиня Гессен-Гомбургская, урожденная Трубецкая, и княгиня Голицына [27. С. I]. В знак признательности Бецкой приказал повесить портрет Прокофия в стенах Воспитательного дома. 20 апреля 1772 г. его опекунский совет вручил Прокофию золотую медаль и почетную грамоту, а через 7 месяцев Екатерина присвоила ему чин статского советника за его благотворительность [27. Гл. 3. С. 70].

[148] В первом классе должны были учиться дети в возрасте от 5 до 9 лет, в следующих классах – ученики старше предыдущих не более чем на 3 года.

были изучаться и в третьем возрасте наряду с языками, используемыми в науках. Ученики также изучали бы бухгалтерию, торговлю, историческую географию и экономику. Философы XVIII в. полагали, что учеба должна служить добродетели и прививать навыки хороших манер, развивать врожденные склонности и разум. В четвертом возрасте предполагалось преподавать право, экономику, прикладные искусства и ремесла и торговлю. Эти курсы должны были быть подкреплены занятиями, полезными для истинного христианина и благородного мужа. В выпускном возрасте все полученные знания обобщались и объединяли познания о торговле с теоретическими и практическими примерами. Затем бы изучались экспериментальная физика и химия, а также закон Божий как основа знаний.

Бецкой полагал, что не все выпускники училища станут хорошими купцами, но благодаря полученным знаниям смогут найти себя в ином поприще.

Но Прокофий не разделял веры Бецкого в возможности просвещения (Бецкой даже получил прозвище «Бецкой – воспитатель детский»). Демидов полагал, что в училище должно изучаться только то, что связано с торговлей, а не химия и астрономия и уж точно не танцы [72. Ф. 11. Д. 95. Ч. 2. Л. 395 об.]. Прокофий сомневался, что матери отдадут ему своих детей на 5– лет, или позволят своим отпрыскам учиться вместе с потомством потаскух, т. е. обитателями Воспитательного дома. Прокофий полагал, что это училище должно располагаться отдельно, подчиняться Сенату и находиться под строгим финансовым контролем [72. Ф. 11. Д. 95. Ч. 2. Л. 396–397 об.].

Он взял в свои руки даже руководство стройкой[149], подобно своим отцу и деду полагая, что только так можно добиться успеха.

После открытия училища Прокофий часто посещал уроки и присутствовал на первом выпускном экзамене в 1780 г. [40. С. 414–417] Он очень любил свое детище и огорчался, что в первом и втором классах обучалось всего 2 подростка, в третьем – 14, в четвертом – 13. Прокофий пообещал родителям, что учеба пойдет их детям только на пользу и все ученики потом вернутся домой [20. С. 107–108; 74. 1873. № 11, кн. 2. С. 2251–2252, 2256].

Прокофий не строил грандиозных планов всеобщего переустройства. Однако основанное им коммерческое училище управлялось плохо, в нем царили дурные нравы, общество его не воспринимало, случалась гибель учеников от тяжелых условий существования [40.

---

[149] Это привело к конфликту с застройщиком Ананьевым, который пожаловался Бецкому. Последний, не желая ссориться с главным спонсором, поддержал Прокофия и даже попросил опекунский совет во всем советоваться с Демидовым [27. Гл. 3. С. 70–77]. Однако Прокофий не смог ладить с этим советом [74. 1873. № XI, кн. 2. С. 2250–2253; 72. Ф. 11. Д. 95. Ч. 2. Л. 395 об.; 27. Гл. 3. С. 72–75].

С. 418–419; 27. Гл. 3. С. 75–80]. При Павле I был принят новый устав этого заведения, а само оно переведено в Петербург, поближе к инспектирующим органам.

Часто жалуясь Бецкому и дочери на свое недостаточное образование [74. 1873. № 11, кн. 2. С. 2255, 2277], Прокофий хотел обучить как можно большее число людей.

В письме к дочери Прокофий показал себя мудрым человеком, незадолго до кончины попытавшимся сформулировать принципы, альтернативные морали русского дворянства:

«Настасья Прокофьевна, прошу тебя, живи весело, не кручинься.

Благодари господа за все. Не проси его ни о чем. Он устроил и устроит все полезное. А только всечасно проси, дабы не лишил милости своей. От кручины умножаются разные болезни, помешательства разума, прекращение жизни и всякое неустройство.

Не будь спесива, самолюбива и жадна.

От спеси люди от тебя отстанут, от самолюбия потакать тебе будут, что тебе приятно будет, и введут тебя во всякое дурачество и неистовство. Не сердись, кто о неисправностях твоих встречно говорить будет. От жадности все потеряешь.

Не перенимай нынешних роскошей. Живи умеренно, не скупо, да и не чванливо. Роскошь столько льстива, как бы в зеркало поглядеться, а после будет печально. Помни, как я живу. Вместо роскоши помогай недостаточным, а других ласково довольствуй. Не гнушайся, не пересмехивай и не переговаривай. Бедных или щеголей, которые потеряли свой хлеб, рассказов их потакай с сожалением, дабы не расклевить кого, а от них не перенимай. Кто бы тебе о щегольствах представлял, поблагодари, да что лишнее не исполняй, а ежели вдругорядь осудит, скажи: батюшка не велел.

Кто тебе полезное и благопристойное к жизни учить будет, таковых люби, благодари и почитай их со всякой искренностью, и тако привыкнешь и добра будешь. Помни, что господь сотворитель всего глобуса и движения есть» [74. 1873. № 11, кн. 2. С. 2285].

Сам Прокофий не всегда следовал этим правилам. Сначала он порвал с промышленностью, потом отверг элитное общество, попав туда благодаря своему богатству, а затем попытался его реформировать. Болея за судьбу Отечества, Прокофий даровал свыше 1253000 руб. Московскому университету, коммерческому училищу, Воспитательному дому и главному училищу Москвы [40. С. 423, 430][150]. Признавая свою недостаточную образованность и невысоко ценя умственные способности «азиатского» русского дворянства, он

---

[150] П. М. Майков не учел 5000 руб., подаренных главному училищу и покупку дома для студентов Московского университета за 10000 руб. [1. Ф. 49. Ед. хр. 2. Л. 74–75; 74. 1873. № 11, кн. 2. С. 2255].

надеялся спасти Россию с помощью просвещения, но это не дало желаемых результатов.

Тогдашняя Россия не могла предложить Прокофию ничего, кроме дворянства; лишь впоследствии образование и контакты с Западом породят достаточное количество критически мыслящих русских интеллектуалов, которые выступят против аристократической культуры. И поддержка Демидовыми образования для дворян и простолюдинов способствовала этому.

ГЛАВА VIII

РАССТАВАНИЕ ДЕМИДОВЫХ С ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ

Богатство, накопленное Никитой и Акинфием, должно было на века обеспечить их потомков. Однако место человека в обществе зачастую определяется субъективными моментами, которые в свою очередь могут влиять на его статус. Никита Акинфиевич старался быть и промышленником и аристократом, и во многом в этом преуспел. Прокофий оставил бизнес, но и не захотел быть дворянином. Третий сын Акинфия, Григорий, умер 15 ноября 1761 г., всего лишь через три года после окончательного раздела наследства, поэтому нам трудно что-либо сказать о его мировоззрении[151]. Поэтому мы обратимся к сыновьям Григория – Павлу, Петру и Александру[152].

Чтобы дать им хорошее образование, Григорий на тринадцать лет отправил их заграницу. С 1748 по 1751 г. они изучали в Ревеле европейские языки, особенно немецкий и латинский, затем четыре года провели в Геттингенском университете и один год – во Фрайбургской горной академии в Саксонии.

Затем братья объездили Богемию, Венгрию, Австрию, Германию, Швейцарию, Италию, Францию, Голландию, Англию, Шотландию, Данию и Швецию, и в 1761 г. вернулись в Петербург. Это была одна из самых первых неофициальных поездок русских за границу, а их отчеты – одним из самых ранних русских описаний путе-

---

[151] Хотя Григорий и построил завод по переделке чугуна, он доверил его приказчику. Но подражая отцу и деду, он женился на наследнице богатого солепромышленника из Соликамска Натальи Суровцевой [52. С. 89–90; 72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 723. Л. 31 об.; 61. С. 361].

[152] Поскольку сыновья Прокофия после возвращения из-за границы были лишены отцом наследства и не занимались промышленностью, мы не будем о них рассказывать.

шествия по Европе частных лиц. Эти документы в виде подневного журнала очень ценны для понимания мировоззрения четвертого поколения Демидовых и еще не вводились в научный оборот[153].

Видимо, у Павла, Петра и Александра были очень теплые отношения с родителями и они старались оправдать ожидания семьи. Письма из дома вызывали у братьев огромную радость[154]. Когда Петр писал, что ему «приятно... о моих родителей здравия и благополучия подлинные исвести получать», он, видимо, не кривил душой[155]. Сыновья присылали родителям и сестре подарки [156]. В силу такого характера отношений дети Григория разделяли с ним его интерес к заводам.

Отец посылал детям не только письма, но и деньги и подарки, однако держал все под контролем, отслеживал их расходы и маршрут[157]. Спрашивая разрешения одеваться за границей «по здешнему фасону», они обещали отцу, что не выйдут при этом за рамки приличий[158].

---

[153] Несмотря на то, что меня допустили поработать с ними, администрация [1] не позволила мне снять с них копии.

[154] Следующее письмо интересно тем, что оно написано по-английски [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 220–220 об.] и по-русски [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 221–221 об.]:

Милостливый государь батюшка Григорей Акинфиевич и милостливая государыня матушка Настасья Павловна.

При наступлении Новаго года моя детская должность оказать вам истинные мои желания и воздавать всенижайшие вам благодарения, а которое осмелился учинить в аглинском языке, и тако прошу худому стилю не погневатся. Я вам ежедневно в сердце моем желаю вселутчее и непременное благополучие и сие же у Бога прошу, а теперь добрый имею случай писмянно сказать сию мою должность: я же от всего моего сердца желаю, дабы всещедры[й] Бог вам и всей фамилии вашей благодозволил препроваждать не токмо сей нступающий, но и последующие сему лета до глубочайшей старости в совершенном здравии, вселутчем благополучии и радости. Я всенижайше имею благодарить за все ваши попечения, любовь и благодеяния. Я бы весма счастливым меня почитал, естьли бы мог все оные милости удостоить и вас, милостивых родителей, удовольствовать. Но я имею вас обнадежить, что я по моей возможности старатся буду ваши родительские повеления исполнить. Я прошу и впредь меня не оставлять милостью вашею и родительским благословением, и тако есмь и пребуду, милостивый государь батюшка и матушка,

Ваш послушный сын Петр Демидов [Подпись]

Валтемсто, 21 декабря 1758 года.

[155] Письмо от 24 апреля 1752 г. [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 17–18]

[156] Письмо от 9 июля 1752 г. [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 24 а, 24 б.]

[157] Письма от 11 ноября, 20 декабря 1758 г., 11 мая 1759 г. [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 222, 222 об., 260]

[158] В другой раз Петр попросил отца разрешить ему дополнительно потратить четыре гинеи, чтобы обменять его виолончель на дающую более

Братья прилежно учились. В Горной академии они посещали курсы химии, математики, физики и иностранных языков, а также музыки. Так как их предприятия являлись преимущественно медеплавильными, то они особенно усердно изучали производство меди под руководством профессора Гофмана[159]. Закончив учебу и занявшись музыкой, языками и танцами, они продолжали интересоваться техникой. Подружившись с графом Иваном Андреевичем Остерманом и князем Александром Михайловичем Голицыным, давшим им рекомендательные письма, братья общались с промышленниками и побывали на медных, железных, серебряных и золотых рудниках, соляных копях, медных и железных заводах, оставив их подробные описания с многочисленными чертежами[160]. Они сообщали о заработной плате, времени работы, условиях труда, механизмах, числе домен и качестве руды[161]. Особое внимание их привлекли венгерские заводы и механизмы.

Но наибольшее впечатление на них произвела Англия. Братья прибыли в нее с рекомендательными письмами к банкирам и купцам Торнтонам, которые свели их с представителями английской буржуазии[162]. Демидовы посетили шахты, фабрики и заводы, преимущественно металлургические. Как и в Венгрии, они были удивлены широкой механизацией, особенно водяными насосами, предотвращающими затопление штреков, и воздушными, обеспечивающими шахтеров воздухом. 11 мая 1759 г. они написали отцу из Лондона: «Мы здесь старались видеть сталь делать, но нам сказали, что оная не здесь, но в Birmingham делается, а здесь разную из оной работу делают. Нам сказано, что никому, ни самому купцу, которой с стальными вещами торгует, не кажется [не показывается] приготовление стали. При деланию оной различные люди работают, и прежде как секрет онаго узнать можно, по крайней мере надо 7 лет мальчиком или учеником работать, и притом оной секрет немногим от работников сказывается и тем надо прежде присягу чинить. И тако нам малое упование оное узнать...» [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 229].

В Бирмингеме им все же показали работу сталелитейных печей, они подробно описали их устройство[163] и даже попросили одного

низкие тона скрипку. См. письма от 21 августа и 6 октября 1758 г. [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 204 об.–205, 215–216 об.]

[159] Письмо от 31 января 1756 г. [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 27–32]

[160] Например, в своем письме от 31 января 1756 г. из Фрайбурга Петр описал рудники вблизи города, зарисовав схему защиты их от затопления [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 27–30, 39]

[161] Письма от 24 июня, 19 июля 1756 г. [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 45–58]

[162] Письмо от 6 октября 1758 г. [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 217–217 об.]

[163] Письма от 12 августа, 13 ноября 1759 г. [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 230–231 об., 272 об.]

сталевара приехать в Россию[164]. На всех троих большое впечатление произвела модель «огненной машины»: «Сей модель так изрядно зделан, что оное в действие привести можно. Мы вам [Григорию] купфершихт оной машине и с описанием с последним Журналом морем пошлом» [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 232 об.].

Наряду с этим братья интересовались за́мками, дворцами, церквями, парками, статуями, зверинцами и архитектурными памятниками, описания которых не сходят со страниц их дневника, но при этом не преклонялись перед Западом. В письмах к отцу они демонстрируют хорошие знания архитектуры[165]. Братьям явно удалось объединить гуманитарное образование с техническим. Описание их путешествия разительно отличалось от записок о поездке в Европу их дяди десятью годами позже: Никита Акинфиевич уже почти не позиционировал себя как заводчика.

Братья питали интерес к музыке. Они обучались ей и часто посещали концерты, балет и, особенно, оперу[166]. Осмотрев достопримечательности, они отправлялись на солеварни, заводы и торжественные приемы во дворцы знати или промышленников[167].

Они посещали книжные магазины и высылали Григорию списки интересующих его книг с указаниями цены[168], приобретали труды по химии, минералогии и горной промышленности, сочинения об оперном искусстве, по истории и философии, беллетристику, медные гравюры и новые музыкальные произведения[169]. В Женеве они по крайней мере трижды встречались с Вольтером и отправили отцу три комплекта его 17-томного собрания сочинений[170].

Весной 1759 г. они записались на курс лекций по философии и экспериментальной физике, читаемый оксфордским профессором

---

[164] Письмо от 12 августа 1759 г. [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 261–262] <Имеется в виду английский металлург Уильям Ханстмен (1733–1809): Путешествие братьев Демидовых по Европе: письма и подневные Журналы: 1750–1761 гг. С. 437>.

[165] В частности, они жаловались на редкое использование в английской архитектуре мрамора и плохое качество статуй: письмо от 7 сентября 1759 г. [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 260]

[166] Письма от 7 октября 1756 г., 23 сентября 1757 г. [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 71 об., 72, 131–132 об.]

[167] См., например, их посещение Зальцбурга: письмо от 5 сентября 1756 г. [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 59–60], и проживание в Женеве и в Италии: письмо от 23 сентября 1757 г. [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 100–130]

[168] См., например, письмо от 7 октября 1756 г. из Франкфурта [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 75–76 об.]

[169] Письма от 31 января, 15 апреля 1756 г., 23 сентября 1757 г., 6 октября 1758 г., 19 марта 1759 г. [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 34, 41, 131–132 об., 217, 230]

[170] Письма от 25 февраля, 24 июня и 12 августа 1757 г. из Женевы [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 92–92 об., 122 об., 120]

Джеймсом Брэдли, ведущим астрономом того времени[171]. До них в Оксфорде обучались только три русских студента: в 1745 г. Морская академия посылала туда Алексея Кривова, Михаила Четверикова и Петра Костюрина учиться навигации [103. P. 95–97]. Братья покупали книги по английской и французской истории, сочинения Джонатана Свифта и по оперному искусству. Возвращаясь в Россию, они, к неудовольствию отца, задержались в Упсале, чтобы изучить ботанику под руководством Линнея[172].

Братья отличались непритязательностью и жаловались, что их гофмейстер (воспитатель) сорит деньгами[173]. Особенно скромно они старались жить в Англии, где все было в два раза дороже, чем в Германии[174], а для возвращения на родину выбрали менее затратный северный маршрут[175] и даже прошли в Англии курс бухгалтерии[176].

Братья отличались своим благочестием: после воскресной молитвы в церкви они остаток дня посвящали чтению религиозных книг, преимущественно присланных им отцом, и соблюдали все православные праздники. Посетив лютеранский, реформатский, пресвитерианский, англиканский и другие храмы, они сообщили об этом отцу[177], отметив, что европейцы отмечают Пасху «вольно», не так как русские – с благочинным унижением и богобоязнью[178]. В тоже время многое из католицизма, особенно вера в чудеса, казалось им вздорным[179]: это были первые признаки противостояния науки и религии, отличающие позднейшую русскую историю.

Зная иностранные языки, братья легко общались с окружающими[180] и вскоре стали владеть немецким лучше, чем русским, что вызвало неудовольствие Григория[181].

---

[171] Письмо от 19 марта 1759 г. [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 234–247]

[172] Григорий начал переписываться с Линнеем в 1748 г., отправив ему семена редких сибирских растений <см.: *Черкасова А. С.* «Ваши особые научные познания… известны мне…» (письма Григория Акинфиевича и Павла Григорьевича Демидовых Карлу Линнею) // Демидовский временник: исторический альманах. Кн. II>. См.: [134].

[173] Письмо от 21 июля 1758 г. [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 202–203 об.]

[174] Письмо от 11 января 1759 г. [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 222–222 об.]

[175] Письмо от 11 октября 1759 г. [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 260]

[176] Письмо от 6 декабря 1759 г. [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 287]

[177] Письма от 24 апреля 1752 г., 31 января, 15 марта, 19 июля 1756 г., 1 декабря 1758 г., 11 февраля 1759 г. [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 15, 38, 41–42 об., 45–58, 217 об., 223, 224]

[178] Письмо от 9 апреля 1757 г. [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 97]

[179] Письмо от 4 мая 1758 г. [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 170–175]

[180] Письма от 29 декабря 1750 г., 27 февраля, 24 марта 1751 г. [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 1–10]

[181] Письмо от 18 октября 1759 г. в ответ на письмо Григория от 3 августа 1759 г., к которому прилагались книги на русском языке, чтобы братья его не забывали [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 287]

Братья много общались с представителями буржуазии Германии, Швейцарии, Франции, Италии, но особенно Англии. Франкфуртских купцов они характеризовали как богатых и уважаемых обществом. Особенно Демидовых впечатлило богатство и влияние среднего класса в Швейцарии[182]. Братья сделали вывод, что банковское дело и поддержка торговли были основной причиной того, что французы живут лучше итальянцев, ибо торговля и промышленность определяют благосостояние нации[183].

Судя по всему, братьям ближе были европейские купцы, банкиры и промышленники. Их английский куратор возмутился переездом Демидовых из Вестминстера, где в основном проживала лондонская знать, в менее престижный Сити, и тогда братья объяснили ему, что именно там проживают почти все их друзья-купцы, бизнесмены и промышленники, там располагается фондовая биржа[184]. Предпочитая общение с третьим сословием и нарождавшимся средним классом, братья завязали знакомства с торговцами и бизнесменами, и побывали на ежегодном приеме Русской кампании в Лондоне[185].

Из Англии они отбыли в Швецию, где, как было сказано, прослушали лекции Линнея по ботанике и естествознанию, Валлериуса – по химии и минералогии, а также осмотрели шведские серебряные, медные и железные рудники [45. С. 183]. Осенью 1761 г. Демидовы вернулись на родину.

Вскоре Григорий умер. Петр и Александр занялись бизнесом вместе с дядей Никитой Акинфиевичем, а Павел, объездив Россию, поселился в Москве [1. Ф. 49. Оп. 1. Д. 2; 72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 723. Л. 70–72; Ед. хр. 396]. В апреле 1765 г. братья решили разделить имущество [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 723. Л. 69, 73–74] и вскоре после этого Павел продал им свои заводы. В 1780 г. Петр и Александр объединили свой бизнес с Никитой Акинфиевичем [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 543], заверив его, что будут все решать сообща, ибо «одна голова хорошо, а две лучше» [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 34].

Александр добавил еще три завода к своим предприятиям [72. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 794; 52. С. 91–92]. Его средний брат Павел посвятил себя естествознанию, в 1772 г. вновь побывал в Германии, Голландии, Франции и Швеции, и по возвращению домой завязал переписку с Линнеем и другими европейскими учеными. Несмотря на то, что Екатерина II называла его горным советником, он не ин-

---

[182] Письмо от 12 февраля 1757 г. [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 75–80]

[183] Письмо от 31 мая 1758 г. [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 182–182 об.]

[184] Письмо от 21 августа 1758 г. [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 204]

[185] Письма от 6 октября 1758 г., 6 марта 1759 г. [1. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1025. Л. 217 об., 228 об.]

тересовался металлургией [45. С. 184–185][186]. В 1803 г. он подарил Московскому университету коллекцию минералов, книг, медалей и антиквариата на сумму 300000 руб. и дал 100000 руб. на содержание студентов. 50000 руб. Павел выделил Киевскому и Тобольскому университетам и даровал 3578 душ Ярославскому училищу высших наук. Впоследствии Павел перечислил последнему 20000 руб. на ремонт здания и 100000 руб. на развитие [59. Ч. 120. № 22. С. 141–143].

В 1788 г. 15-летний сын Никиты Акинфиевича Николай унаследовал владения своего отца, которыми стали распоряжаться его опекуны – статс-секретарь Екатерины II А. В. Храповицкий и сенатор Н. Д. Дурново, а сам он поступил на службу в гвардейский Семеновский полк, стал адъютантом Потемкина и обычным дворяниномотом. Только в 1791 г. он истратил свыше 200000 руб. [34. С. 480–481] и залез в долги подобно каким-нибудь Шереметьевым и Юсуповым. В 1795 г. он потратил 1435800 руб. при доходах 596000 руб. [34. С. 483] и стал реализовывать свое имущество. В 1795 г. он продал Фокино – первое село, купленное его прадедом Никитой Демидовичем – за 326000 руб., что составляло менее четверти его личных годовых расходов. Два года спустя он заложил три своих дома в Москве[187], в 1798 г. – Черноисточинский завод за 150000 руб., а через два года – Висимо-Уткинский [34. С. 274].

Лишь женившись на баронессе Елизавете Строгановой и передав ей контроль над своими активами, он спас промышленную семейную империю [34. С. 257–258]. В 1806 г. вернувшись из поездки по Европе совсем другим человеком, Николай нанял французского инженера Ферри, успешно модернизировавшего его заводы, и отправил множество крепостных за границу учиться [47. С. 85–87; 20. С. 206–218].

После смерти Николая 22 апреля 1828 г. в должности российского посланника во Флоренции его сыновьям Павлу и Анатолию достались нижнетагильские заводы. Через двенадцать лет Павел скончался и они перешли к Анатолию, который женился на племяннице Наполеона Первого Матильде, приобрел титул князя Сан-Донато и вел распутную жизнь за границей. Он не нуждался даже в показной заботе о заводах. Между тем демидовские предприятия продолжали работать под руководством французского металлурга Фредерика Леплея, который служил у Анатолия с 1844 по 1853 г. Фортуна еще раз улыбнулась Демидовым, когда в 1820-е гг. возле

---

[186] Позднее Екатерина сделала его статским советником [5. Т. II. С. 201].

[187] Николай объяснял свои финансовые затруднения тем, что выдал замуж двух своих сестер и дал им в приданое более 300 тыс. руб. деньгами и вотчинами, оцененными в 600 тыс. руб., а также оплатил долги зятя в сумме 162 тыс. руб. [34. С. 274]

Нижне-Тагильского завода были обнаружены месторождения золота и платины.

Хотя нижнетагильские заводы продолжали приносить Демидовым прибыль и в XIX в.[188], в результате последующих разделов имущества между сыновьями к 1800 г. возникло семь маленьких групп предприятий, совокупная численность которых была меньше, чем при Никите Демидовиче и Акинфии [34. С. 257–258]. А поскольку тогда по причине примитивности технологии часто случались остановки производства и потому заводов требовалось много, английская металлургия, перешедшая к началу XIX в. на кокс и избавившаяся от этих проблем, быстро догнала Россию по выпуску чугуна [121].

Практически уйдя из промышленности, Демидовы, подобно Строгановым, превратились в знать: в XIX в. они являлись придворными и дипломатами [109. P. 51–54]. Подлинно капиталистические промышленники, бросившие вызов дворянству, появятся в России лишь в XIX в. в результате резкого рывка в социально-экономическом развитии страны.

---

[188] Ревдинские предприятия Петра и Александра Григорьевичей в XIX в. пришли в упадок [109. P. 51].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Становлению Демидовых как промышленников способствовала деятельность Петра Великого. Начав войну со своим основным импортером железа, царь был вынужден создать промышленность на Урале. Однако у государства не было опыта в этом деле. К счастью, в это время нашлись Никита и Акинфий, которые создали одну из крупнейших промышленных империй XVIII в. и обеспечили русскую армию и флот отличным оружием.

Они знали, как организовать и наладить производство, поскольку опирались на опыт как иноземцев, так и тульских оружейников. Если государство обычно препятствует частной инициативе, то русское правительство в первой половине XVIII в. оказывало поддержку Демидовым. Для преодоления отсталости России в производстве железа требовались значительные усилия партикулярных лиц, поддерживаемых государством.

Никита и Акинфий, установив с правительством тесные взаимоотношения, избавились от опеки местных властей, происков конкурентов и получили возможность нормально работать. В свою очередь казна обеспечивала Демидовых землей, лесом и рабочей силой (с помощью приписки или возведением династии в дворянство, давшее ей право покупать крепостных). Но самым важным было то, что государство полностью отдало Урал Демидовым, сделав их фактическими монополистами в металлургии. Никита и Акинфий подменили собой все власти и никому не подчинялись. Императрица Елизавета взяла Акинфия под личное покровительство. Демидовы обладали особым статусом отчасти еще и потому, что успешно удовлетворяли растущие потребности казны.

Вскоре империя Демидовых стала походить на военную диктатуру Петра, поскольку копировала социально-политическое устройство России XVIII в., что не позволяло русской промышленности, лидерами которой были Демидовы, развиваться по капиталистическому пути. Не имея возможности сбывать продукцию внутри страны, Никита и Акинфий сосредоточились на государственных заказах, а потом захватили почти весь мировой рынок железа. Благодаря милитаризму царизма и частной инициативе русская черная металлургия лидировала в Европе с 1740-х гг. до начала XIX в.

Но были и другие причины успеха Никиты и Акинфия. Во многом на их поведение, мировоззрение и деятельность наложил отпечаток их социальный статус. Будучи староверами, они отстаивали ценности крестьянской, консервативной культуры. Старообрядцы выработали систему строгих моральных принципов, способствовавших накоплению капитала. Их отношение к богатству было иным,

чем у православных. Последние обычно негативно относились к накопительству, ставя на первое место богоугодную деятельность[189]. Раскольники же предпочитали копить деньги, чтобы потом содержать на них своих священников, многочисленные скиты (уединенные монастыри) и подкупать чиновников.

Многие староверы обладали навыками обработки металла[190]. Правительство разрешило раскольникам, заплатившим двойную подушную подать, строить железоделательные заводы, а позднее текстильные фабрики, накапливать капитал и не раз прощало Демидовым нарушение законов.

Несомненно, что первые шаги Демидовых в металлургии были проявлением, по словам Александра Гершенкрона, «этически окрашенной максимы» [114. P. 35–36]. Но несомненно и то, что их мировоззрение противоречило известному высказыванию Аввакума, что «до нас положено – лежи оно так во веки веков» [114. P. 37]. Деловитость Никиты и Акинфия была вызвана их особым, маргинальным социальным положением. Согласно недавним исследованиям, преследование группы и ее маргинализация нередко приводят к появлению в ее среде значительной предпринимательской прослойки [119. P. 42; 118. P. 30; 107. P. 38; 122], представителями которой и были Никита и Акинфий. Благодаря им российская черная металлургия во второй четверти столетия ежегодно выпускала свыше 18 млн фунтов железа и чугуна, далеко обойдя всю Европу[191].

Однако вполне современные для XVIII в. русские мануфактуры были крепостными. В 1720–1730-е гг. их работники были закрепощены [64. Т. VI. № 3919; 64. Т. VII. № 4699; 64. Т. VII. № 4736; 64. Т. IX. № 6858], а во второй трети XVIII в. приписаны к своим предприятиям. Кроме того, Демидовы, став дворянами, смогли покупать крепостных для вспомогательных работ. В середине века они владели примерно 300000 крепостных крестьян. Технологические инновации, порожденные мануфактурами, отторгались феодальной Россией. А поскольку демидовские заводы не работали на внутренний рынок (на нем по-прежнему господствовали кустари), они почти не повлияли на преимущественно аграрный социум.

---

[189] Подробнее об идеологических спорах между православными и раскольниками см. [114. P. 34–35].

[190] <См.: *Павловский Н. Г.* Демидовы и старообрядчество в XVIII веке // Демидовский временник: исторический альманах. Екатеринбург, 1994. Кн. I>.

[191] Англия выплавила в 1740 г. менее 35 млн фунтов чугуна, а в 1750 г. – 44 млн, а Россия в эти же годы – соответственно свыше 50 млн и чуть меньше 60 млн. К 1780 г. эта разница существенно возросла: у Англии – 80 млн, у России - свыше 200 млн. [80. С. 173]. О проблемах, имевшихся в западноевропейской металлургии до начала применения кокса, см. [125].

Кроме того, в русском обществе не было условий для процветания протокапиталистов. Чтобы в докапиталистическом обществе сформировались буржуазные ценности и, следовательно, буржуазия, требуется достаточное число тех, кто разделяет идеалы капитализма, но в России XVIII в. металлургией занимались только сорок фамилий [54][192]. Промышленников в стране было так мало, что их идеология не могла составить конкуренцию дворянской. Но почему?

Чтобы ответить на этот вопрос, напомним, что капитализм являет собой комплекс социальных отношений, опирающихся на определенный уровень развития техники. России уже в первой половине XVIII в. были доступны передовые западные технологии, а в области металлургии страна была мировым лидером вплоть до английской промышленной революции конца столетия[193].

Однако широкого распространения промышленного капитализма в России не произошло в силу социальных причин. Крепостные и государственные крестьяне были привязаны к мелким и редким сельским поселениям, а спрос на товары удовлетворялся местными ремесленниками и ярмарками[194]. Столь же бедные черносошные крестьяне также не обеспечивали большого спроса. Только после реформы 1861 г., когда земля оказалась в руках дворян, часть бывших крепостных была вынуждена идти работать на заводы, что привело к возникновению товарного производства. Возникшее вследствие выкупных платежей денежное хозяйство, в отличие от натурального обмена, стимулировало развитие российской промышленности во второй половине XIX в. В XVIII же столетии подневольный труд с его узким рынком рабочей силы и товарного потребления еще не исчерпал своих возможностей, был выгоден и поэтому тормозил развитие капитализма как экономически, так и социально.

Итак, наличие множества бедных и прикрепленных к земле крестьян препятствовало формированию протобуржуазной или буржуазной идеологии[195]. Рынок был невелик и заработать на промышленности, за исключением военных поставок и экспорта, было почти невозможно. Основным источником доходов являлось сель-

---

[192] А. Кахан [123. P. 395–422] называет 67 предпринимателей, занятых в производстве чугуна с 1636 по 1730 г., а Н. И. Павленко [52] считает, что в XVIII в. заводами владели чуть более 400 человек.

[193] Ранее это отмечал Е. В. Тарле [81].

[194] Государственные крестьяне могли уйти из общины, если найдут того, кто станет платить их оброк [15. С. 134]. Как правило, данные о высокой мобильности государственных крестьян в XIX в. необоснованно переносятся исследователями на XVIII в.

[195] Ограниченность крестьянского спроса составляла серьезную проблему для русской тяжелой промышленности вплоть до XIX в. [80. С. 330–331]

ское хозяйство и, как показало совещание уральских заводчиков в 1734–1736 гг., помещики старались ограничить участие государственных и крепостных крестьян в рынке наемного труда. Кроме того, прикрепление подавляющего большинства населения к деревням, государственных крестьян – к общине, а крепостных – к господину, препятствовало появлению крепкого городского купеческого сословия, из которого обычно и происходили заводчики. Ситуация усугублялась еще и тем, что дворянство презирало «неблагородную» промышленную деятельность [124. P. 220–221]. Все это не способствовало появлению значительного числа предпринимателей, которые бы работали на открытый рынок[196]. Монополизм Демидовых также препятствовал возникновению промышленной буржуазии, способной бросить вызов ценностям традиционного помещичье-крестьянского общества.

Возводя в дворянство наиболее удачливых промышленников, правительство тем самым тормозило формирование буржуазии. Из 40 фамилий, владевших в XVIII в. частными металлургическими заводами, 10 являлись потомственными дворянами, а 7 – дворянами, приобретшими предприятия вследствие браков. Из остальных 23 недворянских фамилий 13 получили дворянство за свои заслуги в предпринимательстве. Они в 1795 г. владели 66,2 % всех частных металлургических заводов (n=163) и произвели 67,8 % всего литого и кованого железа и 53,3 % всей выплавленной меди, а металлурги-недворяне владели 14,1 % заводов и выплавили 11,8 % железа и 15,1 % меди [54]. Как отмечалось выше, политика одворянивания не приводила к уходу этих семей из промышленной деятельности, если они не считали занятия промышленностью умалением их недавно приобретенного социального статуса. Но некоторые русские промышленники и богатые купцы прекратили свой бизнес [124. P. 220–221]. Среди промышленников-металлургов так поступили, например, Яковлевы и Походяшины.

После долгого сопротивления Демидовы, не сумев преодолеть косность устройства страны, сдались, и уже в третьем и четвертом поколении постепенно растворились в дворянстве в соответствии с недавно описанной схемой: добившись успеха в экономике, успеха, который был невозможен без отказа от прежних идеалов, предприниматели, в силу того, что это не давало им высокого положения, стремились получить традиционные статусные символы за свои экономические достижения [118. P. 235–236]. Будучи кооптированы

---

[196] Тем же самым Дж. Фурман [113. P. 253–268] объясняет причину малочисленности мануфактур во второй половине XVII в. Согласно мнению советских историков-ревизионистов 1960–1970-х гг. и [63], никаких серьезных изменений в социальной структуре русской деревни до XIX в. не происходило.

старой элитой в себя, Демидовы превратились в знать. Безусловно, дворянские манеры Николая Никитича, Павла Григорьевича и их наследников не влияли на производство, но в условиях традиционного общества демонстрировали приверженность общепринятым ценностям, а поэтому шли им на пользу.

Уход Демидовых из буржуазии имел далеко идущие последствия. Не имея соответствующей социальной базы, потомки первых Демидовых быстро растворились в дворянстве. Применяя крепостной труд и, следовательно, устаревшую к концу XVIII в. технологию, уральские заводы функционировали и в следующем столетии. Однако, считая приписную рабочую силу «бесплатной», наследники Демидовых XVIII столетия не занимались технической модернизацией производства, как это произошло в текстильной промышленности [80. С. 73–76, 322–331]. Отрицая наличие у рабочей силы стоимости и, следовательно, не внедряя технические новшества, русские металлопромышленники в первой половине XIX в. попали в ловушку, расставленную еще античной цивилизацией [110; 111. P. 41]. Там, где к рабочей силе относились как к вещи (например, к древнеримским рабам или русским крепостным), не было ни стимула, ни причин для того, чтобы ее оберегать или повышать эффективность. Так как она считалась «бесплатной» – т. е. не имеющей стоимости в силу ее принудительного характера, то ни затраты на оплату труда, ни техническое перевооружение производству не требовались[197].

Вследствие этого Россия в XIX в. утратила лидерство в производстве железа[198] и ей вновь потребовалась срочная индустриализация и техническая модернизация. В ходе этой социально-экономической, а затем и политической революции знать и «старый режим», к которым принадлежали Демидовы, были уничтожены.

---

[197] М. Конфино [102] указывает на аналогичные проблемы и в сельском хозяйстве.

[198] К 1805 г. Россия отстала от Англии, к 1825 г. – от Франции и США, к 1855 г. – от Германии и Австро-Венгрии [80. С. 175–176].

ЗАМЕТКИ ОТВЕТСТВЕННОГО РЕДАКТОРА РУССКОГО ИЗДАНИЯ

Читатель перевернул последнюю страницу книги профессора Хью Хадсона о первых Демидовых. С момента выхода этой работы в США прошло уже четверть века. История Демидовых – история рода, родового хозяйства и связанная с ними культурная история – издавна привлекала внимание российских ученых. В последние годы эта династия стала изучаться особенно активно (работы Т. К. Гуськовой, С. А. Клат, Е. И. Красновой, Е. Г. Неклюдова, Е. П. Пироговой, А. С. Черкасовой и автора этих строк): выходят монографии, проводятся научные конференции, защищаются диссертации, один за другим публикуются выпуски тематических сборников и продолжающихся изданий («Демидовский временник», «Альманах Международного демидовского фонда»).

В этих публикациях представлено множество фактов, о которых отечественные и зарубежные историки еще недавно даже не подозревали (в том числе и в отношении первых поколений рода, которым посвящена книга Х. Хадсона). Естественно, это влияет на восприятие более ранних научных текстов: например, после недавней публикации комплекса писем Прокофия Демидова в сопровождении обстоятельной аналитической статьи образ этого человека, даже мастерски написанный, уже нельзя воспринимать без их учета[199]. Работа Х. Хадсона, пришедшая к русскому читателю через двадцать пять лет после первой публикации, естественно, не может не содержать фактов, существенно уточненных или опровергнутых, положений, требующих корректировки. Такова судьба любого научного текста, создаваемого в ситуации сдвига границы познанного.

И все же книга Х. Хадсона, уверен, будет по-прежнему полезна и интересна русскому читателю. Чем именно?

Во-первых, общей концепцией, на наш взгляд, целостной и непротиворечивой, в сжатом виде изложенной в заключении и развернутой в главах. Автору, отталкиваясь от изучения экономических феноменов, удалось создать схему, в которую хорошо ложится материал и подходы иных отраслей гуманитарного знания: исторической психологии, истории и социологии культуры и др. С концепци-

[199] Прокофий Акинфиевич Демидов: письма и документы: 1735–1786 /сост. А. С. Черкасова. Екатеринбург, 2010.

ей можно спорить по частностям, можно не соглашаться, но она есть, и с ее ясно прочерченной логикой приходится считаться.

Во-вторых, тем обстоятельством, что книга подытожила результаты изучения Демидовых за рубежом и в какой-то мере образует свод основных знаний о них, на который на Западе до сих пор во многом ориентируются. Книга невелика – соответственно, не так уж и объемен свод. Но с тем, что известно из отечественной историографии, он совпадает далеко не полностью. Пишущему эти строки было приятно обнаружить в книге некоторые неизвестные ему факты, естественно, требующие проверки и осмысления.

В-третьих, рядом интересных частных наблюдений, не приходящих в голову в силу стереотипов воспртиятия, свойственных родной культуре. Они сродни тем будоражащим мысль неожиданностям, которые мы встречаем на страницах сочинений иностранцев о средневековой Руси: поначалу кажется, что чужестранец ничего в русской жизни не понял, «сморозил» очередную глупость, но вчитавшись и подумав, видишь, что не все так однозначно и просто.

В-четвертых, той зарубежной литературой (почти полсотни названий в библиографическом списке), которая позволила автору выявить и систематизировать факты, сформировать свою концепцию. Отечественную литературу по теме мы знаем хорошо. Полны ли наши представления о зарубежной?

Конечно, в этой работе имеются и фактологические неточности. Да, можно было бы сделать детальное комментирование текста. Но это потребовало бы публикации довольно объемистых схолий. Книга Х. Хадсона, прибавив в объеме, приобрела бы большую внешнюю солидность, но осталась ли бы она после этого собой? В конце концов, монография рассчитана на специалистов и поэтому они сами могут обнаружить и оценить те погрешности, которые вкрались в силу разных причин в исследование американского автора. Мы же поблагодарим профессора Х. Хадсона за то, что обратив внимание на обширный массив хорошо и малоизвестных фактов, он предложил нам еще раз подумать над тем, что, казалось бы, давно и надежно установлено.

Игорь Юркин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН.
2. Ашурков В. Н. Тульские оружейники и их классовая борьба в XVIII – 1-й четверти XIX веков. Тула, 1947.
3. Бакланов Н. Б., Мавродин В. В., Смирнов И. И. Тульские и каширские заводы XVII в. М.; Л., 1934.
4. Бакланова Н. А. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в.: к истории формирования русской буржуазии. М., 1959.
5. Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей Русской земли. СПб., 1836. Т. I–V.
6. Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1952. Т. I.
7. Берх В. Н. Жизнеописание тайного советника Василия Никитича Татищева, бывшего советника Берг-коллегии и начальника всех Сибирских горных заводов // Горный журнал. 1828.
8. Бестужев-Рюмин К. Н. Василий Никитич Татищев, администратор и историк первой половины XVIII столетия // Древняя и новая Россия. 1875. № 1.
9. Биографический очерк родоначальника фамилии Демидовых // Северная пчела. 1839. № 63.
10. Биография Прокофия Акинфиевича Демидова // Всемирная иллюстрация. 1872. № 208.
11. Богословский М. М. Петр I: Материалы для биографии. М., 1940–1948. Т. 1–5.
12. Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанная самим им для своих потомков. СПб., 1870–1873. Т. I–IV.
13. Бранденбург Н. Е. Материалы для истории артиллерийского управления в России: Приказ артиллерии (1701–1702). СПб., 1876.
14. Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI–XVII веках. М., 1962.
15. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1909.
16. Гамель И. Ф. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1826.
17. Геннин В. И. Описание уральских и сибирских заводов 1735 г. М., 1937.
18. Герман И. Ф. Историческое начертание горного производства в Российской империи. Екатеринбург, 1810.
19. Герман И. Ф. Описание заводов под ведомством Екатеринбургского горного начальства. Екатеринбург, 1808.
20. Головщиков К. Д. Род дворян Демидовых. Ярославль, 1881.
21. Горловский М. А., Павленко Н. И. Материалы совещания уральских промышленников, 1734–1736 гг. // Исторический архив. 1953. Т. IX.
22. Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913–1941. Т. 1–2.
23. Грибовский Б. М. Полугерой екатерининского века // Исторический вестник. 1901. Т. LXXXVI.

24. Григорьев В. А. Реформа местного управления при Екатерине II: Учреждение о губерниях 7 ноября 17775 г. СПб., 1910.
25. Демидов Н. А. Журнал путешествия его высокородия господина статскаго советника, и Ордена Святаго Станислава кавалера Никиты Акинфиевича Демидова. По иностранным Государствам с начала выезда Его из Санкт-Петербурга 17 Марта 1771 года по возвращение в Россию, Ноября 22 дня 1773 Года. М., 1786.
26. Демидов П. А. Родословная рода Демидовых, их благотворительная деятельность и медали в память их рода. Житомир, 1910.
27. Драшусов В. Н. Материалы для истории Императорского Московского воспитательного дома. М., 1863.
28. Заозерская Е. И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI–XVII веков. М., 1970.
29. Зеньковский С. А. Старообрядцы – технократы горного дела Урала // Записки Русской академической группы в США. 1976. Т. 10.
30. Злотников М. Ф. Первое описание уральских и сибирских заводов // Геннин В.И. Описание уральских и сибирских заводов 1735 г. М., 1937.
31. История Правительствующего Сената за двести лет, 1711–1911. СПб., 1911. Т. 1–5.
32. Карнович Е. П. Замечательные богатства частных лиц в России: Экономическо-историческое исследование. СПб., 1874.
33. Карпенко З. Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860-х годах. Новосибирск, 1963.
34. Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. М.; Л., 1949. Т. I.
35. Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1831.
36. Ключевский В. О. Сочинения. М., 1987–1990. Т. I–IX.
37. Крепостная мануфактура в России. Л., 1930. Ч. I. Тульские и каширские железные заводы.
38. Любомиров П. Г. Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. [М.,] 1947.
39. Любомиров П. Г. Роль казенного, дворянского и купеческого капитала в строительстве крупной промышленности России в XVII–XVIII веках // Исторические записки. 1945. Т. 16.
40. Майков П. М. Иван Иванович Бецкой: опыт его биографии. СПб., 1904.
41. Манштейн К. Г. Записки исторические, гражданские и военные о России. М., 1823.
42. Мартынов М. Уральская промышленность в эпоху Петра Великого // Исторический журнал. 1944. № 9.
43. Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII веке. М., 1937.
44. Милюков П. Очерки по истории русской культуры. 6-е изд. СПб., 1909. Ч. I.
45. Нечто об ученой жизни и пожертвованиях Павла Григорьевича Демидова // Отечественные записки. 1821. Гл. 8.
46. Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1931.
47. Огарков В. В. Демидовы, их жизнь и деятельность. СПб., 1891.
48. Осьмнадцатый век. М., 1869. Кн. I.

49. Павленко Н. И. «Наказ шихтмейстеру» В.Н.Татищева // Исторический архив. 1951. Т. 6.
50. Павленко Н. И. Из истории социально-экономических требований русской буржуазии во второй половине XVIII в. // Исторические записки. М., 1957. Т. LIX.
51. Павленко Н. И. Инструкции заводским приказчикам А. Н. Демидова // Исторический архив. 1962. № 5.
52. Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века: заводы и заводовладельцы. М., 1962.
53. Павленко Н. И. О происхождении капиталов, вложенных в металлургию России XVIII в. // Исторические записки. 1958. Т. LXII.
54. Павленко Н. И. Одворянивание русской буржуазии в XVIII в. // История СССР. 1961. № 2.
55. Павленко Н. И. Продукция уральской металлургии в начале XVIII в. // Полтава: к 250-летию Полтавского сражения. М., 1959.
56. Павлов М. Предисловие // Геннин В.И. Описание уральских и сибирских заводов 1735 г. М., 1937.
57. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1994.
58. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1786. Ч. II, кн. 1.
59. Память праведного с похвалами // Вестник Европы. 1821. № 22.
60. Панкратова А. М. Формирование пролетариата в России (XVII–XVIII вв.) М., 1963.
61. Петров П. Н. История родов русского дворянства. СПб., 1886.
62. Письмо П. А. Демидова к И. И. Шувалову // Благонамеренный. 1825. Гл. 29.
63. Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. М., 1914–1915. Т. 1–2.
64. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830–1839.
65. Полянский Ф. Я. Первоначальное накопление в России. М., 1955.
66. Попов Н.С. В.Н. Татищев и его время (эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия). М., 1861.
67. Рожков В. А.Н.Демидов на своих Колывано-Воскресенских заводах // Горный журнал. 1891. № 3.
68. Рожков В. Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии в царствование Анны Иоанновны // Горный журнал. 1885.
69. Рожков В. Деятельность артиллерии капитана В. Н. Татищева на уральских заводах в царствование Петра Великого // Горный журнал. 1885.
70. Рожков В. Материалы к истории горного промысла в царствование императрицы Елизаветы Петровны // Горный журнал. 1890. № 11.
71. Рожков В. И. Доносы фискалов на Никиту Демидова: из истории отечественного горнопроизводства в царствование Петра I. 1711–1717 гг. // Русская старина. 1887. № 5.
72. Российский Государственный архив древних актов.
73. Русские эксцентрики и остряки // Искра. 1859. № 37.
74. Русский архив.

75. Рябов И. Былина и временность Нижнетагильского завода // Ученые записки, издаваемые Императорским Казанским университетом. Казань, 1848. Кн. 2.
76. Скальковский К. Горные деятели за двести лет // Новое время. 1900. 6 декабря.
77. Соколовский И. В. К вопросу о состоянии промышленности в России в конце XVII и в первой половине XVIII столетия // Ученые записки, издаваемые Императорским Казанским университетом. Казань, 1890. Кн. 3.
78. Спасский Г. И. Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова. СПб., 1833.
79. Стоскова Н. Н. Первые металлургические заводы России. М., 1962.
80. Струмилин С. Г. Избранные произведения: история черной металлургии в СССР. М., 1967.
81. Тарле Е. В. Была ли екатерининская Россия экономически отсталой страной? // Тарле Е. В. Сочинения. М., 1958. Т. IV.
82. Тула: материалы для истории города XVI-XVII вв. М., 1884.
83. Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке: к вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1957.
84. Царские грамоты верхотурскому воеводе Дмитрию Протасьеву о приисках магнита и железной руды // Акты исторические. 1842. Т. V.
85. Чичерин Б. Н. Областные учреждения России в XVII-м веке. М., 1856.
86. Чупин Н. О начале и развитии горного промысла в Богословском Урале // Горный журнал. 1873. Т. 2.
87. Чупин Н.К. Отдача казенных заводов в частные руки в прошлом столетии: (эпизод из финансовой истории России) // Горный журнал. 1861. № 4.
88. Шубинский М. Н. Русский чудак // Шубинский М. Н. Исторические очерки и рассказы. 4-е изд. СПб., 1903.
89. Amburger E. Die Familie Marselis: Studien zur russichen Wirtschaftsgeschichte. Giessen, 1957.
90. Apter D. Choice and the Politics of Allocation. New Haven, 1971.
91. Apter D. Political Change. London, 1973.
92. Baron S. Entrepreneurs and Entrepreneurship in Sixteenth-Seventeenth Century Russia // Kennan Institute for Advanced Russian Studies Occasional Paper. 1978. No. 49.
93. Baron S. The Fate of the *Gosti* in the Reign of Peter the Great // Cahiers du Monde Russe et Sovietique. Vol. XIV. No. 4.
94. Baron S. Vasilii Shorin: Seventeenth Century Merchant Extraordinary // Canadian-American Slavic Studies. 1972. Vol. VI, no. 4.
95. Baron S. Who were the *Gosti*? // California Slavic Studies. 1973. Vol. VII.
96. Bendix R. Nation-Building and Citizenship. Berkeley, 1977.
97. Betzky I. I. Les plans et les statuts des différents établissements ordonnés par Sa Majesté Impériale Catherine II, pour l'éducation de la jeunesse et l'utilité générale de Son Empire. Amsterdam, 1775.
98. Betzky I. I. Systême complet d'éducation publique, physique et morale: pour l'un & l'autre sexe, & pour les diverses conditions : exécuté dans les différens etablissemens ordonnés par sa majesté impériale Catherine II, pour l'éducation de la jeunesse, & l'utilité de son empire. Moscow, 1777.

99. Black C. E. The Dynamics of Modernization. New York, 1966.
100. Blackwell W. The Old Believers and the Rise of Private Industrial Enterprise in Early Nineteenth-Centure Moscow // Slavic Review. 1965. Vol. XXIV (reprinted: Blackwell W. (ed.). Russian Economic Development from Peter the Great to Stalin. New York, 1974).
101. Bushkovithc P. The Merchants of Moscow, 1580–1650. Cambridge, 1980.
102. Confino M. Domaines et seigneurs en Russie vers la fin du XVIIIe siècle: Étude de structures agraires et de mentalités économiques. Paris, 1963.
103. Cross A. G. «By the Banks of the Thames»: Russians in Eighteenth-Century Britain. Newtonville, 1980.
104. Crummey R. O. The Old Believers and the World of Antichrist: The Vyg Community and he Russian State, 1694–1855. Madison, 1970.
105. Daniels R. V.N.Tatishchev: Guardian of the Petrine revolution. Philadelphia, 1973.
106. Dawley A. Class and Community: The Industrial Revolution in Lynn. Cambridge, 1976.
107. Eisenstadt S. N. Tradition, Change, and Modernity. New York, 1973.
108. Esper Th. Military Self-Sufficiency and Weapons Technology in Muscovite Russia // Slavic Review. 1969. Vol. XXVIII.
109. Esper Th. The Demidov Family in the Nineteenth Century // Modern Encylopedia of Russian and Soviet History. 1978. Vol. IX.
110. Finley M. I. Technical Innovation and Economic Progress in the Ancient World // Economic History Review. 1955. Vol. XVIII, no. 1.
111. Finley M. I. The Ancient Economy. London, 1973.
112. Forster R. The Nobility of Toulouse in the Eighteeehth Century. Baltimore, 1960.
113. Fuhrmann J. T. The Origins of Capitalism in Russia: Industry and Progress in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Chicago, 1972.
114. Gerschenkron A. Europe in the Russian Mirror. Cambridge, 1970.
115. Gmelin J. G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1733 bis 1743. Göttingen, 1751.
116. Grau C. Russisch-sächsische Beziehungen auf dem Gebeit des Berg- und Hüttenwesens in der ersten Hälfte des 18. Jh. // Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volkademokratischen Länder Europas. 1960. Bd. IV.
117. Griffiths D. M. Eighteenth-Century Perceptions of Backwardness: Projects for the Creation of a Third Estate in Russia // Canadian-American Slavic Studies. 1979. Vol. XIII. No. 4.
118. Hagen E. On the Theory of Social Change: How Economic Growth Begins. Homewood (Il.), 1962.
119. Hoselitz B. F. Sociological Aspects of Economic Growth. Glencoe (Il.), 1960.
120. Huntington S. P. The Change to Change: Modernization, Development, and Politics // Comparative Modernization. New York, 1976.
121. Hyde Ch. Technological Change and the British Iron Industry, 1700–1870. Princeton, 1977.
122. Inkeles A. The Modernization of Man // Modernization: The Dynamics of Growth. New York, 1966.

123. Kahan A. Entrepreneurship in the Early Development of Iron Manufacturing in Russia // Economic Development and Cultural Change. 1962. Vol. X, no. 4.
124. Kamendrowsky V., Griffiths D. M. The Fate of the Trading Nobility Controversy in Russia: A Chapter in the Relationship Between Catherine II and the Russian Nobility // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1978. Vol. XXVI, no. 2.
125. Mantoux P. The Industrial Revolution in the Eighteenth Century. London, 1961.
126. Moore W. A Reconsideration of Theories of Social Change // American Sociological Review. 1960. Vol. XXV.
127. Nash M. Approaches to the Study of Economic Growth // Journal of Social Issues. 1963. Vol. XIX. No. 1.
128. Ogburn F. Social Change. New York, 1966.
129. Political Culture and Politics Development. Princeton, 1965.
130. Portal R. L'Oural au XVIIIe siècle étude d'histoire économique et sociale. Paris, 1950.
131. Russian Economic Development from Peter the Great to Stalin. New York, 1974.
132. Savage S. A catalogue of the *Linnaean herbarium*. London, 1945.
133. Schumpeter J. A. The Theory of Economic Development. Cambridge, 1961.
134. Yaney G. L. The Systematization of Russian Government: Social Evolution in Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905. Urbana (Il.), 1973.

О переводчике

Игорь Кучумов (р. 1968 г.) – историк, этнолог, археограф и переводчик. Канд. ист. наук. Большая часть его научных работ издана в России нелегально и запрещена, а рукописи неоднократно изымались в ходе обысков. С 2006 г. подпольно публикует книжную серию «Башкортостан в зарубежных иссследованиях», знакомящую российского читателя с произведениями западных ученых об Урале. В 2009 г. был привлечен к уголовной ответственности по нескольким статьям Уголовного кодекса, арестован и помещен в тюремную камеру для особо опасных преступников, в сентябре 2010 г. отдан под суд за участие в «экстремистском сообществе» историков, выступающих против пропаганды сепаратизма и ксенофобии в научных исследованиях. В 2008 г. Россия обратилась в Интерпол за помощью в расследовании его «преступной деятельности», но получила отказ. В марте 2010 г. признан правительством США жертвой политического преследования.

СОДЕРЖАНИЕ

Американское исследование династии Демидовых *(И. В. Кучумов)* 5

ПРЕДИСЛОВИЕ 9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. РОЖДЕНИЕ ИМПЕРИИ

Глава I. Возникновение частной русской черной металлургии 11

Глава II. Союз Никиты и Петра 16

Глава III. Строительство империи 26

Глава IV. Брак по расчету: государство и Демидовы 35

Глава V. Социально-экономические идеалы династии 42

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КРАХ ИМПЕРИИ

Глава VI. Между знатью и бизнесом: Никита Акинфиевич 48

Глава VII. Прокофий Демидов – чудак и просветитель 59

Глава VIII. Расставание Демидовых с промышленностью 67

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 75

Заметки ответственного редактора русского издания *(И. Н. Юркин)* 80

ЛИТЕРАТУРА 82

Декан исторического факультета государственного университета штата Джорджия профессор Хью Дорси Хадсон – автор трех монографий по истории России XVIII–XX вв. Широта его научных интересов простирается от истории феодального Урала до проблем советской архитектуры и НЭПа. Им также опубликованы статьи о внутренней политике Екатерины II, Павла I, дореформенном русском крестьянстве.

Перу проф. Х. Хадсона принадлежит единственная в зарубежной историографии монография, посвященная ранней истории промышленной династии Демидовых. На примере изучения их предпринимательской деятельности автор делает попытку выявить особенности перехода России от традиционного к индустриальному обществу.

ISBN 978-5-9903025-1-8

9 785990 302518